

Читайте книгу, смотрите фильм!

ДЖИН ХАНФФ КОРЕЛИЦ

ОТЫГРАТЬ НАЗАД

НИЧТО НЕ ОСТАНЕТСЯ ТАЙНЫМ

АМЕДИАТЕКА

HOME OF HBO

Джин Ханфф Корелиц

Отыграть назад

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63404435*

*Отыграть назад. Роман: АСТ; Москва; 2021
ISBN 978-5-17-134735-2*

Аннотация

Жизнь Грейс Рейнхарт Сакс вполне можно назвать идеальной: замечательный муж – известный детский врач, блестяще одаренный сын и прекрасная карьера семейного психотерапевта – карьера, венцом которой предстоит стать книге Грейс «Ты же знала». Книге, в которой она советует женщинам в общении с мужчинами больше полагаться на интуицию – безошибочную женскую интуицию, способную вычислить токсичного партнера куда быстрее разума.

А потом все меняется – стремительно, страшно, необратимо.

Происходит жестокое убийство. В двери уютного дома стучит полиция. И, что самое ужасное, бесследно исчезает муж Грейс.

Идеальная жизнь превращается в липкий, удушливый кошмар. И шаг за шагом Грейс все отчетливее понимает: все эти годы она жила с незнакомцем. С человеком, о котором не знала абсолютно ничего.

Почему же молчала ее интуиция? И можно ли теперь отыграть все назад?

Содержание

Часть I	5
Глава первая	5
Глава вторая	49
Глава третья	89
Глава четвертая	112
Глава пятая	129
Часть II	159
Глава шестая	159
Конец ознакомительного фрагмента.	162

Джин Ханфф Корелиц

Отыграть назад

Роман

Ашеры

Jean Hanff Korelitz
You Should Have Known

* * *

Печатается с разрешения литературных агентств William Morris Endeavor Entertainment, LLC и Andrew Nurnberg.

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers. Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Jean Hanff Korelitz, 2014

© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

Часть I

Еще до того

Глава первая

Все понятно

Обычно каждый, кто оказывался тут впервые, начинал плакать. И эта девушка выглядела так, будто тоже не станет исключением. Она вошла с портфелем и деловито пожала руку Грейс, как и полагается истинному профессионалу, каковой она являлась или, по крайней мере, хотела казаться. Затем девушка присела на кушетку, закинув затянутые в саржевые брюки ноги одну на другую. А потом, как будто внезапно осознав, где находится, восторженно выдохнула.

– Ух ты! – Девушку звали Ребекка Уэйн (за несколько минут до встречи Грейс проверила это дважды). – Мне не приходилось бывать в кабинете у психоаналитика с тех пор, как я окончила колледж.

Грейс, сидя, как обычно, на стуле, скрестив ноги, которые были куда короче, чем у ее гостыи, не удержалась и подалась вперед.

– Тут все так странно и необычно! Как только сюда заходишь, сразу хочется начать орать во всю глотку о самом со-

кровенном и рыдать.

– Салфеток здесь хватает, – улыbnулась Грейс.

Сколько же раз она сидела вот на этом самом стуле, скрестив ноги совсем как сейчас и прислушиваясь к набирающим силу рыданиям. А плакали тут так часто, что однажды ей представилось, будто кабинет полностью оказался под водой. Совсем как в одной из сказочных историй Бетти Макдональд, которые Грейс так любила в детстве. Там девочка-плакса никак не могла остановиться, пока не оказалась по горло в слезах. Когда в кабинете начинал царствовать гнев, – и неважно, выражалось ли это в крике или в ядовитом упорном молчании, – ей представлялось, будто стены, выкрашенные в безобидный кремовый цвет, темнеют от этой ярости. Когда же побеждало примирение и торжествовало счастье, ей иногда чудился аромат сосновой хвои, как летом на озере.

– Это всего лишь самая обыкновенная комната, – ободряюще произнесла Грейс. – С самой заурядной мебелью.

– Верно. – Ребекка осмотрелась, словно в поисках подтверждения этих слов. Комната, служившая кабинетом, где Грейс давала консультации, была обставлена с величайшей тщательностью, чтобы одновременно отвечать нескольким требованиям. Она достаточно уютная, но не располагает к панибратству, домашняя, но не задевает личность гостя, а некоторые детали были хорошо знакомы каждому посетителю. Например, висевший у двери плакат с репродукцией Элиота Портера – фото с березами – разве не у каждого где-

то в свое время обязательно красовался точно такой же? Может, в спальне или летнем домике... Или красный безворсовый коврик на полу, бежевая кушетка или кожаное крутящееся кресло самой Грейс. Тут же стоял стеклянный журнальный столик с пачкой салфеток в кожаной подставке, в углу расположился сосновый письменный стол. В его ящиках хранились блокноты с отрывными листочками, а еще списки психофармакологов, детских психологов, гипнотерапевтов, помогающих бросить курить, агентов по недвижимости, агентов из бюро путешествий, специалистов по минимизации налогов на имущество, адвокатов, специализирующихся на разводах.

На письменном столе в причудливой глиняной кружке, которую слепил в первом классе ее сын Генри, топорщились ручки и карандаши. Эта кружка в течение лет много раз становилась объектом для пространных комментариев. Каких только воспоминаний из прошлого она не вызывала у посетителей! Здесь же стояла и белая керамическая лампа с холщовым абажуром, бросающим рассеянный свет на все происходящее в комнате.

Единственное окно выходило на задний двор и переулок, но рассматривать там, в общем-то, было нечего. Правда, как-то раз, много лет назад, была предпринята попытка установить здесь декоративную кадку с яркими, но незатейливыми цветами, геранью и выюном. Управляющий охотно подписал соглашение, но его энтузиазм моментально угас, когда

пришлось перетаскивать цветы в деревянной кадке из грузовика на их постоянное место в переулке. Потом оказалось, что цветам здесь не хватает солнечного света, да и сама кадка вскоре куда-то пропала, оставив после себя темный квадрат на асфальте, который никак не хотел исчезать. Впрочем, Грейс не была большой любительницей цветов.

Правда, сегодня она принесла цветы, темно-розовые розы, по особой просьбе Сарабет, которая с приближением знаменательного дня все больше и больше старалась контролировать каждый шаг Грейс. И та должна была купить по поводу сегодняшней встречи не просто цветы, но обязательно розы и непременно темно-розовые.

Темно-розовые розы. Но почему? Грейс это озадачило. Не думала же Сарабет, что фотограф станет делать цветные снимки. Неужели и без того недостаточно невероятно, что журнал «Вог» заинтересовался ею и поместит на своих страницах черно-белое фото? Но Грейс сделала все так, как ей велели, и поместила цветы в единственную вазу, которая обнаружилась в крохотной кухоньке при кабинете. Эта ваза оставалась здесь после какой-то давнишней доставки цветов. (По какому случаю приносили цветы? Благодарность за лечение? «Спасибо-доктор-что-подсказали-мне-бросить-его»? Или от Джонатана?) Она распушила букет, но получилось как-то не очень аккуратно и совсем не привлекательно. Теперь цветы стояли на краю низенького журнального столика, и ваза грозила опрокинуться в любой момент,

как только ее заденет пола громоздкого шерстяного пальто Ребекки.

– А знаете, – начала Грейс, – вы правы насчет рыданий. Человеку требуется преодолеть многое, чтобы отважиться прийти сюда. Или, как мне известно из моей практики, привести свою вторую половинку. Поэтому когда кто-то наконец переступает этот порог, он дает выход своим эмоциям. И это вполне естественно и нормально.

– Ну, может быть, в другой раз, – произнесла девушка.

Грейс прикинула, что на вид ей лет тридцать, плюс-минус. Довольно симпатичная, может, чересчур серьезная. Одежда на ней была нестандартная – крой позволял скрыть отдельные недостатки фигуры. Ребекка обладала пышными формами, но одежда создавала иллюзию мальчишеской стройности. Белая ситцевая рубашка словно специально была так скроена, а саржевые брюки заставляли предположить, что у их обладательницы имеется некое подобие талии. Ее наряд демонстрировал победу иллюзии над здравым смыслом и, очевидно, был изготовлен мастером, который четко представлял себе, какого эффекта нужно добиться. Хотя если ты работаешь в журнале «Вог», тебе часто приходится встречаться с такими людьми. Так решила Грейс.

Ребекка порылась в портфеле, стоявшем у ее обутых в сапожки ног, извлекла оттуда допотопный магнитофон и поставила его на стеклянную столешницу журнального столика.

– Вы не возражаете? – осведомилась она. – Понимаю, это настоящая древность, но мне так нужно для надежности. Я как-то раз потратила четыре часа на интервью с одной поп-звездой и при этом не была уверена, что та умеет изъясняться полноценными предложениями. Поэтому я взяла с собой одно из этих приспособлений космического века размером со спичечный коробок. Но когда я потом попробовала воспроизвести запись, там не оказалось ровным счетом ничего. Пожалуй, это был самый жуткий момент во всей моей карьере.

– Видимо, да, – кивнула Грейс. – Но, очевидно, вам удалось справиться со своей неудачей.

Ребекка пожалала плечами. Ее светлые волосы были подстрижены так, что на голове образовалась беспорядочная копна. И еще она носила серебряное ожерелье, охватывающее шею на уровне ключицы.

– Я сделала все ее фразы слишком заумными, а она совсем спятила и не соизволила даже утвердить текст, когда я передала его для проверки. Сказать, что я волновалась, значит, ничего не сказать. Правда, ее агент сообщил моему редактору, будто эта звезда призналась, что это ее лучшее интервью, так что в тот раз я оказалась на высоте. – Ребекка в упор посмотрела на Грейс. – Вы знаете, – продолжала она с легкой улыбкой на губах, – а ведь сдается мне, не нужно было все это сейчас рассказывать. Вот вам и еще одно воздействие визита к психоаналитику. Стоит только сесть на кушетку в его

кабинете и тут же начинаешь выдавать всю подноготную.

Грейс улыбнулась.

Ребекка нажала на кнопку магнитофона. Раздался отчетливый щелчок. Она еще немного порылась в портфеле и достала старомодный блокнот для стенографических записей и свежие гранки будущей книги.

– У вас моя книга! – воскликнула Грейс. Блокнот был новехонький – странно, что кто-то еще, кроме нее самой, пользуется таким. Как будто все происходящее было подготовлено лишь для того, чтобы удивить Грейс такими вот вещичками.

– Разумеется, – спокойно отозвалась девушка. Казалось, профессионализм и способность держать ситуацию под контролем мгновенно вернулись к ней.

А вот Грейс повела себя как маленькая. Не сумела сдержаться. Ей было так необычно видеть книгу такой, какой она должна быть. Ее книгу, правда, еще не настоящую, но готовящуюся вот-вот увидеть свет, буквально в новый год, уже совсем скоро, да и время выбрано удачное. На этом настояли ее агент Сарабет, редактор Мод и публицист Дж. Колтон (да-да, Дж. Колтон – это ее настоящее имя!). Даже после месяцев доработки теперь уже есть самые настоящие гранки (их даже можно потрогать, и это убедительно), договор, чек (деньги тут же положены на счет в банке, словно они могут внезапно испариться), внесение в каталог, – все это весьма реалистично, и, как говорится, «и это происходит со мной».

Прошлой весной она провела презентацию на конференции по продажам у издателя, где присутствовала целая плеяда репортеров. Они непрерывно что-то записывали и скалились на нее, а потом некоторые тайком подходили к ней, чтобы проконсультроваться по поводу собственного неудавшегося брака. (Что ж, решила она, к подобному, наверное, придется привыкнуть.) За год до этого невероятного дня Сарабет звонила ей чуть ли не каждый день и сообщала нечто совсем уж фантастическое. Эта книга нужна. Ее хотят. Ее снова хотят. Еще предложение... нет, сразу два... нет, уже три. Потом она переходила на какой-то свой непонятный жаргон, и Грейс уже ничего не понимала. Эти хотят предвосхитить, а эти этажи попутали. Какие этажи? Этим надо аудиовариант, а этим цифровой, потом нужно кое-кого подмазать, чтобы пролезть в нужный список (она так и не поняла, что за список, пока не подписала договор). И все это никак не укладывалось в голове. Уже несколько лет Грейс читала лишь о том, как издательское дело умирает. А здесь все живет, дышит и пульсирует. Книжная индустрия движется вперед, и нет никакого разлагающегося трупа наподобие сталелитейных заводов и золотых приисков. Как-то раз она заговорила об этом с Сарабет. Тема поднялась на третий день книжного аукциона, когда запоздалая заявка вызвала настоящую бурю и шквал новых ставок. Разве издатели еще не перестали существовать? Так во всяком случае пишут в журналах. Сарабет от души расхохоталась. Да, издательское дело затухает,

уверила она Грейс, но эта новость ее даже радовала. Потому что это лишь в том случае, если ты не сумела ухватить дух времени. А здесь речь идет о книге «Ты же знала». О ее книге. Которая в ближайшем будущем захватит дух времени.

Грейс потребовалось целых два года, чтобы написать эту книгу. Она сидела, раскрыв ноутбук, за этим письменным столом в углу и работала в промежутках между приемами пациентов. А еще за столом в спальне, в доме у озера. За дубовым столом в старых темных пятнах от воды, у окна с видом на причал. И за стойкой на кухне в городском доме на Восемьдесят первой улице, по ночам, когда Джонатан либо еще дежурил в больнице, либо уже спал, устав после работы. Генри в это время тоже спал с раскрытой книгой на груди и зажженным ночником. Когда она писала, в опасной близости от клавиатуры стояла кружка с имбирным чаем, а по всей стойке до самой раковины красовались разложенные заметки. С другой стороны расположились старые истории болезни пациентов с кучей закладок в каждой папке. Когда она писала, давно созревшие в голове теории становились похожими на реальность. Потом они превращались в отточенную, авторитетно изложенную реальность, насыщенную мудростью, о существовании которой она и сама не подозревала, пока не прочитала все, что сама же и написала на бумаге. К заключениям, описанным в книге, она, похоже, пришла еще раньше, чем начала практику психоаналитика пятнадцать лет назад.

(Потому что так ничему больше и не научилась? Или потому что была права уже с самого начала?)

На самом деле Грейс даже не помнила, чтобы училась тому, как нужно выполнять работу психоаналитика. Ну, кроме того, что прилежно выполняла задания в аудитории и практические работы, читала учебники и писала курсовые, защищая все необходимые ученые степени. Грейс всегда знала, как выполнять свою работу. И не помнила, чтобы был момент, когда она чего-то не знала. Она могла бы сразу после школы войти в этот небольшой чистенький кабинет и стать точно таким же профессионалом, каким являлась сейчас. И помогла бы стольким же семейным парам и не допустила бы столько же браков, которые обязательно бы стали в дальнейшем неудачными. Она понимала, что эти знания не делали ее какой-то особенной или даже просто умной и никогда не считала свои способности даром Божиим (Бог был для нее всего лишь объектом исторической, культурной и художественной ценности). Это результат соединения природных данных и полученного образования. Вроде того, как балерина, наделенная талантом от природы, имеет к тому же длинные ноги и родителей, которые готовы водить ее в балетный кружок. По какой-то причине, а скорее всего, вообще без всяких на то причин, у Грейс Рейнхарт-Сакс была склонность к наблюдению за социальным поведением людей, способность строить предположения и делать правильные выводы, а еще выработанное годами умение вникать в суть любо-

го дела в ходе беседы или простого обмена мнениями.

Она не умела петь и танцевать и ничего не понимала в высшей математике. Не играла на музыкальных инструментах, как ее сын, и не спасала умирающих детей, как ее муж. К этим талантам Грейс относилась с трепетом и уважением, но зато она могла сесть рядом с человеком и увидеть, причем очень быстро и с изумительной ясностью, какие ловушки он сам для себя расставил и как ему не попасться в эту западню. А если уж попался – как правило, если он оказался рядом с ней, значит, уже увяз, – как освободиться из ловушки. И то, что записи вполне очевидных вещей привели в ее ничем не примечательный кабинет журнал «Вог», стало, разумеется, слегка волнующим и одновременно в какой-то степени странным событием. Почему кто-то должен снискать славу и известность только за то, что указал на тот факт, что день сменяет ночь, или что в экономике случаются провалы, или на некое столь же очевидное явление? (Иногда, размышляя о своей книге и о том, что она скажет женщинам, которые собираются ее прочитать, Грейс чувствовала, что ей становится чуть ли не стыдно за себя. Как будто она намеревается выставить на рынок некое чудодейственное средство, которое давным-давно продается в любой аптеке.) И опять же, не надо забывать о том, что существуют вещи, о которых нельзя говорить постоянно или произносить громко вслух.

Несколько недель назад она присутствовала на особом приеме в частном обеденном зале в «Крафте» в компании

циничных, но тем не менее профессионально восхищенных книжных агентов, занимающихся заказами статей в средствах массовой информации. Под нежный звон столового серебра Грейс вела беседу о своей книге и отбивалась от провокационных вопросов. Один особенно агрессивно настроенный мужчина в лиловом галстуке-бабочке поинтересовался, чем же книга «Ты же знала, или Почему женщины не слышат того, что говорят их мужчины» отличается от подобных, написанных на ту же тему о личных отношениях. Было вполне очевидно, что угощения от Тома Количчио спасали положение, переводя спор в ничью. Грейс слишком много времени уделила редактору журнала, сидящему рядом с ней (другими словами, он буквально напицкал ее рассказами о своем очень дорогом разводе), и к своему великому огорчению, увидела, что официант унес ее тарелку до того, как она успела расправиться с бараньей ножкой. Но как автору обсуждаемой книги ей было неловко попросить его завернуть остатки еды, чтобы забрать их с собой.

Однако в результате после этой трапезы публицист Дж. Колтон занялась планированием предстоящих интервью и выступлений по телевидению. Редактор, переживший очень дорогой развод, обещал поместить материал о книге в «Мор», а агрессивный мужчина в галстуке-бабочке попросил ее выступить для Ассошиэйтед Пресс. Самой Грейс пришлось признать, что дело того стоило, обед удался. Вскоре после этого журнал «Вог» тоже решил опубликовать статью

о книге. Как говорится, бал был в полном разгаре.

По просьбе редактора Мод Грейс набросала план статьи о том, почему возникло обыкновение подавать заявление о разводе именно в январе. Тут и праздничный стресс, и новогодняя горячка играют роль, и так далее. А по настоянию Дж. Колтон прошла очень странный курс у специального тренера, занимающегося с работниками средств массовой информации. Она научилась правильно поворачивать и наклонять голову в сторону телеведущего, завоевывать симпатии аудитории в студии, по поводу и без него упоминать название своей книги, при этом, однако, не становясь похожей на самовлюбленного робота (Грейс очень на это надеялась). И, конечно, быть идеальной в своей речи, пересыпанной всевозможными изюминками.

– Редактор прислал мне это пару недель назад, – пояснила Ребекка, положив гранки на столик рядом с коробкой салфеток. – Мне понравилось. А знаете, ведь многие люди ничего подобного и не слышали никогда. «Только не облажайся с самого начала, и тогда у тебя будет не слишком много проблем в ходе всего процесса». Довольно вызывающе. Обычно книги на эту тему пишут в более мягком, осторожном тоне.

Осознавая, что, по сути, интервью уже началось, Грейс, призвала на помощь и нужный наклон головы, и те самые отточенные изюминки в своей речи. Голос, прозвучавший в следующий момент, показался ей совсем не похожим на ее обычную манеру речи, но как нельзя лучше подходившим

к данной ситуации. Это было то, что она называла «голос врача».

– Я знаю, о чем вы говорите. Но, если честно, мне думается, что «более мягко и осторожно» нам не сильно помогло. Полагаю, женщины готовы услышать то, что написано в моей книге. Нам не нужно нежное обращение. Мы уже выросли, и если уж облажались, то надо принять правду, а затем прийти к собственным правильным выводам. Вот что я всегда говорю своим клиентам. Если они хотят услышать только то, что все будет хорошо, или что на все есть своя причина, или какую-то другую банальность, то им не следует приходить ко мне и платить за мои услуги. Или, наверное, покупать мою книгу. – Она улыбнулась. – Они могут купить другую. Любую. «Как любовью сделать ваш брак снова здоровым». «Как бороться за свои отношения».

– Да, но название вашей книги несколько... конфронтационное, не правда ли? «Ты же знала». То есть именно эти слова мы и говорим себе, когда, например, на пресс-конференции выясняется, что некий политик только что выложил фото своего пениса на всеобщее обозрение. Или обнаруживается, что он живет на две семьи. А его жена стоит тут же, ошеломленная новостями. Так и хочется ей сказать: «И что? Тебя это удивляет?»

– Не сомневаюсь в том, что его жена удивлена, – кивнула Грейс. – Вопрос в том, а должна ли она удивляться? Могла ли она избежать всего этого, чтобы не очутиться в подобной

ситуации?

– Значит, это окончательное название, выбранное вами?

– И да, и нет, – ответила Грейс. – На самом деле это второй вариант. Сначала я хотела назвать ее «За внимание надо платить». Но такое название никто не понял. Сказали: слишком заумно.

– Правда? Да мы же все читали Артура Миллера в школе, разве не так? – насмешливо спросила Ребекка, выдавая свое истинное лицо.

– Ну, может, так было у вас в школе, – дипломатично отозвалась Грейс. Сама она прочитала «Смерть коммивояжера» в средней школе интенсивного обучения Рирден, славившейся тогда своими социалистическими веяниями. Сейчас в седьмом классе этой частной нью-йоркской школы учился ее сын. – Так или иначе, мы нашли компромисс. Вы, наверное, знаете, как мы говорим сами себе, если кто-то совершает какой-то непредвиденный поступок: «Откуда мне было знать?» Мы просто в шоке, когда узнаем, что человек, оказывается, бабник. Или растратчик. Или наркоман. Или отчаянный врун. Или заурядный эгоист. И тот факт, что он женился на вас и что у вас есть общие дети, его не изменил. Он продолжает вести себя так, как будто до сих пор холост и свободен от семейных обязанностей.

– О да, – согласилась Ребекка, и Грейс тут же поняла, что это затронуло девушку. Впрочем, ничего странного. Именно об этом ведь и шел разговор.

– А когда это происходит, мы лишь разводим руками. И говорим: «Вот это да! Другого человека не поймешь!» И мы никогда не отдаем себе отчет в том, почему столкнулись с ложью. Надо научиться понимать других. Если этого не произойдет, мы же сами не сможем действовать в своих собственных интересах. И не сможем предотвратить повторения того, что произошло.

– Ну-ну. – Ребекка бросила на Грейс неодобрительный взгляд. – Мы же не собираемся обвинять жертву?

– А никакой жертвы нет, – произнесла Грейс. – Смотрите сами. Я занимаюсь практикой уже пятнадцать лет. Снова и снова мне приходится слышать от женщин, как они описывают начало отношений со своим партнером и свои первые впечатления. Я слушаю их и все время думаю: «А ты ведь была права еще в самом начале». Она знает, что он никогда не перестанет заглядываться на других женщин. Она сознает, что он не умеет экономить и копить деньги. Она понимает, что он ведет себя с ней слишком высокомерно. Это все происходит уже в первую встречу, после первой беседы, или на втором свидании, или на первой вечеринке, когда она знакомит его со своими подружками. Но потом она каким-то странным образом перестает все это замечать. Эти первые впечатления, это понимание истины, затмеваются чем-то другим. Она убеждает себя, что все то, что она интуитивно прочувствовала в мужчине, с которым едва знакома, неверно в корне. И вот теперь она должна – цитирую –

«узнать его получше». А импульс отрицания наших же собственных впечатлений удивительно мощный. И может создать разрушительной силы коллизию, которая, в свою очередь, повлияет на жизнь этой женщины. Мы сами всегда стараемся выпутаться из неприятной ситуации. Но когда посмотрим на других женщин, введенных в заблуждение и окончательно запутавшихся, думаем: «Не может быть, чтобы она не знала». Я твердо уверена, что именно так мы и должны реагировать. Но только еще до того, как попасть в неприятную ситуацию, а не после.

– Видите ли, – Ребекка оторвала взгляд от блокнота, все еще продолжая в нем что-то записывать, и это выглядело впечатляюще, – дело не только в мужчинах. Женщины ведь тоже врут, да? – Она нахмурилась, и на лбу у нее между бровями проступила заметная галочка. Стало ясно, что, к счастью, в журнале, для которого она писала, ее не стали убеждать делать инъекции ботокса.

– Да, вы правы. Конечно. Об этом я тоже рассказываю в книге. Вот только в девяти случаях из десяти у меня на кушетке сидит женщина. Она смущена, она сходит с ума, потому что, как ей кажется, ее мужчина что-то от нее скрывает. Поэтому я с самого начала решила: это будет книга для женщин.

– Хорошо. – Девушка вернулась к своему блокноту. – Я поняла.

– Я становлюсь нравоучительной, – с грустью усмехнулась

Грейс.

– Просто вы сердитесь.

«Верно», – подумала Грейс. И дала себе слово запомнить это.

– В любом случае, – медленно начала она, – я дошла до той точки, когда более не в силах была терпеть происходящее. Я видела немало приличных женщин, действующих из лучших побуждений, которым приходится лечиться месяцами, а то и годами. Они выворачиваются наизнанку, тратят состояния, и все только ради того, чтобы осознать истину: их мужчина так и не изменился, возможно, он никогда и не пытался что-либо поменять или даже выразить такое желание. И женщина возвращается на исходную точку. Все опять начинается с самого начала, как тогда, когда она впервые пришла сюда и села вот на эту самую кушетку, где сейчас сидите вы. Эти женщины заслуживают услышать правду, узнать, что их положение никогда не улучшится. Ну, или по крайней мере в той степени, как им бы того хотелось. Им нужно услышать, что ошибка, которую они совершили, может быть непоправимой.

Она замолчала, отчасти потому, что хотела дать возможность успеть все записать, а отчасти для того, чтобы посмаковать эффект от этой «бомбы» (именно так выразилась агент Сарабет, когда они встретились впервые год назад). Эти слова до сих пор производили впечатление, подобное легкому землетрясению. Грейс и в самом деле помнила тот момент,

когда решила записывать все, о чем думает, все очевидные вещи, которые становились просто ослепительно очевидными с каждым последующим годом ее практики. Она убеждалась в своей правоте, изучив массу руководств по поиску и выбору партнера (в которых об этом ничего не говорилось) и пособий по сохранению брака (которые тоже замалчивали данные проблемы). Таких учебников в ходе создания книги она проглотила немало. В своей правоте она убеждалась и на каждой конференции консультантов Международной ассоциации по проблемам брака и семьи (но и тут никто эту тему не затрагивал). Дело в том, что хотя никто и не говорил об этом вслух, но, как она подозревала, коллеги понимали сложность проблемы не хуже ее самой. Стоит ли упомянуть об этом в книге и прослыть язвительной среди таких же специалистов, как и она сама? Или же стоит просто упрямо твердить, будто любые «отношения» (какими бы они ни были) можно «спасти» (что бы это ни значило).

– Надо выбрать правильного мужчину, – продолжила Грейс, воодушевленная присутствием журналистки из «Вог» в своем маленьком, ничем не примечательном кабинете. Не от природы, а силами стилиста утонченная женщина сидела на бежевой кушетке, ловко орудуя ручкой в старомодном блокноте и призвав на помощь старый диктофон. – Если ваш выбор падет не на того человека, то будет уже неважно, как сильно вы хотите исправить ваш брак. У вас все равно ничего не получится.

После секундной паузы Ребекка посмотрела на нее и заявила:

– Это слишком резко.

Грейс пожала плечами. Да, бесспорно, резковато. Но это так и должно было прозвучать. Если женщина выбрала не того мужчину, он всегда будет не тем. Вот и все. И самый лучший психоаналитик в мире не сможет тут ничего поделать, разве что немного успокоить. По мнению Грейс, такое положение дел в лучшем случае можно было назвать злосчастьем, а в худшем – наказанием. Причем пожизненным. Таких браков не должно существовать вообще. Если у такой пары нет детей, их старания должны закончиться разводом. А если дети есть, тогда придется проявлять взаимное уважение, вместе воспитывая их. И все равно в итоге развестись.

Конечно же, ей было их жаль. Она искренне жалела таких людей, особенно собственных родителей. Они тоже приходили к ней за помощью, но было уже слишком поздно что-то сделать. Все равно что посоветовать мешки для мусора и стеклоочиститель при пролитой нефти. Но больше всего ее бесило то, что подобных ситуаций можно было избежать. Родители Грейс были образованными, интеллигентными, заботливыми людьми. Среди ее клиентов попадались даже почти гении. И вот они встречаются в молодости, жизнь сводит их дорожки. Потом потенциальный супруг предлагает то, что потом наверняка или скорее всего вызовет страдания. Но, несмотря на грозящие невзгоды, они все равно со-

глашаются и в результате, конечно, получают эти обещанные страдания... Вот это всегда ставило Грейс в тупик. И даже раздражало. Иногда она с трудом подавляла желание просто подойти поближе и хорошенько встряхнуть этих людей.

– Представьте себе, – продолжала она, обращаясь к Ребекке, – что вы впервые в жизни сидите с кем-то за столиком. Может быть, это свидание. Или в гостях у друзей, в любом месте, где вы могли бы пересечься с мужчиной, которого вы, возможно, находите привлекательным. В первые минуты вы видите кое-что, связанное с этим мужчиной, а некоторые вещи постигаете интуитивно. Мужчины охотно поддаются наблюдению и изучению. Вы чувствуете его открытость по отношению к другим людям, его интерес к миру, вы понимаете, насколько он умен или глуп, и в какой мере умеет использовать свои умственные способности. Вы уже можете сказать, добрый ли он или чересчур ведомый, или предпочитает быть лидером, любознателен ли он и насколько щедр. Вы видите его отношение к вам. Узнаете кое-что из того, что он решает рассказать вам о себе сам. А именно о своей роли в семье, о своих друзьях, о женщинах, с которыми был связан до вас. Вы видите, как он сам о себе заботится, судя по его здоровью, о благополучии, в том числе и финансовом. Вся эта информация доступна, и вы этим можете воспользоваться. Но потом...

Она замолчала. Белокурая Ребекка что-то быстро записывала, опустив голову.

– Потом...

– Потом идут рассказы. Они у него есть. Причем множество. И я не намекаю на то, будто он где-то недоговаривает, а где-то откровенно врет. Такое вполне возможно, но даже если это не так, мы сами за него досочиняем. Потому что в каждом человеке глубоко заложена жажда к повествованию. Особенно в том случае, если мы будем играть в этом повествовании немаловажную роль. Ну, что-то вроде: «Я уже настоящая героиня, а вот и мой герой». И даже впитывая факты или формируя новые впечатления, мы испытываем желание подстроить их под желаемый контекст. Вот так мы сами сочиняем историю о том, как он рос, как к нему относились женщины, как с ним обходились его работодатели. И то, в каком виде он предстает перед нами теперь, как раз и является частью этого рассказа. Как он хочет жить завтра – еще одна часть того же рассказа. И вот мы сами уже должны войти в этот рассказ. Итак. «Никто не любил его так сильно, пока не появилась я. Ни одна из его бывших подружек не была равной ему по интеллекту. Я недостаточно симпатична для него. Он восхищен моей независимостью». Но ничто из этого не является достоверным фактом. Это некая смесь из того, что рассказал он и что напридумывали мы. Таким образом он становится вымышленным героем вымышленного рассказа.

– Вы хотите сказать, персонажем из книжки?

– Да. А выходить замуж за книжного персонажа не такая

уж замечательная мысль.

– Но... вы рассказывали сейчас все так, будто это неизбежно.

– Вовсе нет. Если бы мы в подобной ситуации проявили хотя бы долю осторожности и внимания, которые проявляем, например, принимая потребительское решение, проблем возникало бы гораздо меньше. Я хочу сказать, что же с нами происходит? Мы готовы перемерить два десятка пар туфель, прежде чем купить одну. Мы читаем отзывы и рекомендации совершенно незнакомых нам людей и только потом доверим кому-то постелить нам ковровин. Но мы отключаем этот проклятый природный детектор и пинками гоним прочь нашу интуицию, потому что считаем кое-кого привлекательным или потому что нами кто-то заинтересовался. Он мог бы держать в руках плакат с таким текстом: «Я заберу у тебя деньги, буду изменять тебе с твоими же подругами, мало-помалу оставлю тебя без любви и поддержки», – но мы все равно найдем способ об этом забыть, хотя сами прекрасно обо всем знали. Оправдание мы обязательно найдем.

– Но... – начала Ребекка. – У людей ведь возникают сомнения. Может быть, они просто не предпринимают соответствующих действий.

Грейс кивнула. Ей приходилось сталкиваться в своей практике с сомнениями. С очень старыми сомнениями, высохшими и хранившимися долгое время, а потом высказываемыми печальными израненными женщинами. Вариантов

тут бесчисленное множество: «Я знала, что он много пьет. Я знала, что он не умеет держать язык за зубами. Я знала, что он меня не любит, ну, не так сильно, как я его».

– У многих людей возникают сомнения, – согласилась она. – Проблема вот в чем: лишь немногие сознают, что такое сомнение на самом деле. Сомнение – это дар, идущий из глубины нас самих. Я так считаю. Как страх. Вы удивитесь, как много людей испытывают страх как раз перед тем, как с ними случается что-то нехорошее. Когда потом они мысленно возвращаются к моменту происшествия, то понимают, что просто не воспользовались возможностью его предотвратить. Ну, что-то вроде: «Не ходи по той улице. Не разрешай тому парню подвозить тебя до дома». Похоже, мы обладаем высокоразвитой способностью игнорировать то, что наверняка знаем или подозреваем. Это удивительно даже с точки зрения эволюции, но мои интересы более частного порядка. Я думаю, сомнения могут быть исключительным даром. Полагаю, нам следует научиться прислушиваться к своим сомнениям, а не игнорировать их, даже если это и будет означать отмену помолвки. Понимаете, ведь гораздо проще отменить свадьбу, чем брак.

– Ну, я даже не знаю, – с сарказмом в голосе заметила Ребекка. – Мне тут доводилось присутствовать на таких свадьбах, что легче было бы отменить Олимпийские игры.

Даже не зная недавно сочетавшихся браком друзей Ребекки, следовало признать, что это правда. У самой Грейс сва-

дья была скромной, потому что ее семья состояла из отца и ее самой. А родственники Джонатана предпочли отговориться от присутствия на торжестве. Но Грейс, конечно, успела поприсутствовать на изрядном количестве самых безумных свадеб.

– В прошлом месяце, – пояснила Ребекка, – моя соседка по комнате из колледжа устроила прямо-таки ошеломительный праздник. Пятьсот гостей в Пак-билдинге. Цветов было – море! Не меньше чем на пятьдесят тысяч долларов. Я не шучу. А все подарки они выложили в соседнем зале на длиннющий стол. Ну, как раньше когда-то делали, помните?

Грейс помнила. Этот старый свадебный обычай, как и другие забытые традиции, неожиданным образом возродился во всем своем материальном блеске. Может, потому что современным свадьбам как раз не хватало шумихи и помпезности. На свадьбе ее родителей в Сент-Регисе как раз и выставались подарки в соседнем с танцевальным зале. Антикварное столовое серебро. Премиальный лиможский фарфор и огромное количество уотерфордского хрусталя. И все это теперь попало в лапы Еве, второй жене ее отца.

– Половина всего Тиффани. Плюс вся кухонная техника, посуда и утварь, которые могли предложить у Уильяма Сономы. Вот умора! – Тут Ребекка рассмеялась. – Потому что моя подруга вообще не умеет готовить, и я сомневаюсь, что она когда-нибудь вообще научится пользоваться столовым серебром.

Грейс кивнула. Она слышала это и раньше, со всеми мельчайшими подробностями, в своем кабинете, от сидевших на бежевой кушетке. Она слышала о том, как сложно найти леденцовую карамель, именно такую, которой угощали гостей еще на свадьбе родителей невесты (как выяснилось, ее до сих пор изготавливали, но продавалась она только в одном магазинчике гостиницы «Он-Ривингтон»). Ей рассказывали и об изысканных медальонах со сложной гравировкой для подружек невесты. А еще о том, как на точной копии старинного автомобиля молодожены поехали в Доминиканскую Республику, чтобы провести там первую брачную ночь. После чего они еще десять дней отдыхали на Сейшелах, на том же курорте, где какая-то знаменитая парочка тоже провела свой медовый месяц, в хижине на сваях прямо в синем Индийском океане.

Вот там-то они и поссорились, и это событие не только омрачило всю шикарную свадьбу, но и отдалось эхом спустя годы. Причем именно здесь, в присутствии психоаналитика. А она уже понимала, что эти двое вываливают на поверхность самое плохое, что только есть у их второй половинки, не только в данный момент, но так было всегда и, конечно, всегда будет.

Иногда Грейс хотелось вооружиться копьем с отравленным наконечником и разгромить всю свадебную индустрию. Ну, снизьте свою даже средненькую буффонаду бракосочетания XXI века до негромкой клятвы, произнесенной в при-

сутствии родных и самых лучших друзей – и тогда половина помолвленных (причем правильная половина) тут же вообще оставит всякие мысли о свадьбе. Убедите парочки поберечь весь шик вечеринки до двадцать пятой годовщины, когда у жениха появится лысина, а у нее исчезнет талия после рождения детей, – и тут же большинство отпрянут в ужасе. Но к тому времени, когда они окажутся у нее в кабинете, будет уже слишком поздно что-либо исправить. Как говорится, амбар закрыт, лошадка сдохла.

– Сомнение – это дар, – громко произнесла вслух Ребекка, словно проверяла, насколько весома эта фраза и будут ли ее повторять. – Отлично.

Грейс почувствовала груз скептицизма в ее голосе. А потом и в собственных словах тоже.

– Не то чтобы я не верила в способность человека измениться, – начала она, стараясь, чтобы ее слова не прозвучали так, будто она заняла оборонительную позицию, хотя это именно так и выглядело. – Любые перемены возможны. Они требуют огромной смелости и самоотверженности, но все же порой случаются. Дело в том, что мы тратим куда больше сил на маловероятную возможность что-то исправить, но совсем не стараемся предотвратить возникновение такой ситуации. Тут тоже наблюдается некая дисгармония, вы не полагаете?

Ребекка чуть заметно кивнула, целиком погрузившись в работу. Она быстро записывала речь Грейс, крепко сжав левую руку, а ее ручка, чуть подрагивая, так и порхала по раз-

линованным страничкам блокнота. Очень скоро она закончила писать все то, что хотела, подняла голову и тоном профессионала-психоаналитика поинтересовалась:

– Можете ли вы что-то добавить?

Грейс набрала в легкие побольше воздуха и продолжила. Она говорила об удивительном парадоксе, с которым частенько встречалась на практике. Когда вы спрашиваете, что данная женщина хотела бы увидеть в своем партнере, она начинает говорить вполне осмысленно, со сформировавшейся способностью к трезвой оценке ситуации. И ее требования верны. Это, по ее словам, защита и понимание, обучение и поощрение, надежная гавань, откуда можно плыть дальше. Но при взгляде на реальных партнеров этих женщин возникает вопрос: и где же их проницательность была раньше? Все эти умные и красноречивые женщины либо оставались в одиночестве, либо находились в состоянии вечной борьбы, постепенно теряя при этом силы сражаться. Имеются лишь разногласия, споры, пререкания, невнимание и трения. И все потому, что в какой-то момент они сказали «да» не тому человеку. А теперь пришли к ней, чтобы она все исправила. Но только уже бессмысленно объяснять, почему все так произошло. Это надо было сделать еще до того, как было сказано «да» не тому человеку.

– А я выхожу замуж, – совершенно неожиданно заявила Ребекка, закончив конспектировать кое-что и из этих слов.

– Примите мои поздравления, – отозвалась Грейс. – За-

мечательная новость.

Девушка рассмеялась.

– Правда?

– Да. Правда. Надеюсь, у вас будет замечательная свадьба и, что еще важнее, замечательный брак.

– Значит, замечательные браки возможны? – спросила Ребекка, явно довольная собой.

– Конечно. Если бы я в это не верила, меня бы тут не было.

– И, как я полагаю, вы не были бы замужем.

Грейс невозмутимо улыбнулась. Она боролась с желанием выдать даже небольшой кусочек информации, на чем настаивал ее издатель. Психологи не рекламируют свою личную жизнь. Писатели, скорее, поступают наоборот. Она давно обещала Джонатану, что их супружеская жизнь, их семейные дела останутся скрыты от посторонних, насколько это только возможно. Вообще-то его как раз это никогда и не волновало так, как ее саму.

– Расскажите мне про своего мужа, – попросила Ребекка, и именно это Грейс ожидала сейчас услышать.

– Его зовут Джонатан Сакс. Мы познакомились в колледже. Точнее, я училась в университетском колледже, а он в медицинской школе.

– Значит, он врач?

Педиатр, ответила Грейс. Ей не хотелось упоминать название больницы. Это могло на многое повлиять. Впрочем, данную информацию можно было бы получить и через Ин-

тернет, введя ее имя в поисковик. Несколько лет назад журнал «Нью-Йоркер» опубликовал список лучших врачей года, и в небольшой статье было упомянуто ее имя. На фотографии красовался Джонатан в хирургическом халате, его темные волнистые волосы уже давно отросли дальше того предела, когда Грейс обычно просила его подстричься. На шее у него висел неотъемлемый атрибут – стетоскоп, а из нагрудного кармана торчал круглый леденец на палочке. Выглядел он так, словно сильно устал и пытался вымученно улыбаться. На коленях у него сидел лысый ухмыляющийся мальчишка.

– А дети есть?

– Сын Генри, ему двенадцать.

Ребекка кивнула, как будто эти слова подтверждали что-то такое, что было понятно только ей одной. В это время на письменном столе зажужжал зуммер.

– О, отлично! – обрадовалась Ребекка. – Это, наверное, Рон.

Видимо, Рон и был фотографом. Грейс поднялась, чтобы впустить его.

Он стоял в вестибюле в окружении тяжелых металлических ящиков и набирал какое-то сообщение в тот момент, когда она открыла дверь.

– Привет, – произнесла она скорее для того, чтобы привлечь к себе его внимание.

– Привет, – негромко отозвался он и взглянул на нее. – Рон. Вам сказали, что я приеду?

– Здравствуйте. – Она пожала ему руку. – Что, без прически и косметики?

Рон посмотрел на нее как-то странно, словно не мог понять, шутит она или нет.

– Шучу. – Грейс рассмеялась, втайне расстроившись, что не причесалась, как надо, и не воспользовалась косметикой. Она еще раньше позволила себе пофантазировать насчет всего этого. – Ну, заходите.

Он прошел вперед тяжелой поступью, занес два ящика, затем вернулся за остальными. Он был примерно одного роста с Джонатаном и фигурой тоже походил на него, как подумала Грейс, если бы ее муж волне сознательно не выпячивал свое брюшко.

– Привет, Рон, – поздоровалась Ребекка, подходя к двери, ведущей в кабинет. Все трое сгрудились в прихожей, которая была еще меньше, чем кабинет. Казалось, Рона огорчила обстановка: два стула в миссионерском стиле, коврик навахо и старые номера «Нью-Йоркера» в напольной плетеной корзине.

– Я думала, там, в кабинете, – сказала Ребекка.

– Давайте посмотрим.

Делать снимки в кабинете, конечно, оказалось лучше. Рон принес прожектор, свернутый белый экран и еще один ящик, из которого начал вынимать фотокамеры. Грейс стояла у кушетки и нервничала. Она оказалась чужой на собственной территории и молча наблюдала, как гости перенесли в прихо-

жую ее кожаное кресло. Рон задвинул письменный стол подальше, чтобы установить освещение – горячую яркую коробку на высоком хромированном штативе, затем втиснул экран в пространство на противоположной стене и закрепил его.

– Мне обычно помогает ассистент, – коротко пояснил он.
«Низкооплачиваемый заказ, – тут же подумалось Грейс. –

И несрочный».

– Миленькие цветочки. На фоне этой стены будут смотреться отлично. Я перемещу их в кадр.

Грейс кивнула. Ох уж эта Сарабет. И правда же, удивительно!

– Вы хотели бы... – Рон замолчал и посмотрел на Ребекку. Та стояла, скрестив руки на пышной груди.

– Немного привести себя в порядок, – закончила Ребекка вместо него, успев перевоплотиться в фоторедактора.

– Да, конечно.

Грейс оставила их и отправилась в крохотную уборную, настолько тесную, что как-то одна весьма тучная клиентка здесь впала в истерику со слезами. К тому же тут было довольно темно. Грейс сейчас пожалела об этом. Ведь даже если бы и знать, как магическим образом перевоплотить себя нынешнюю в себя ту самую, которая достойна предстать перед глазами читателей журнала «Вог», она сильно сомневалась, что ей удалось бы справиться с этой задачей в столь маленьком помещении при тусклом освещении.

Желая хоть как-то исправить положение, Грейс решила умыться с туалетным мылом, после чего вытерла лицо бумажным полотенцем. Никакого видимого эффекта это не произвело. Она уставилась на свое чистое, такое знакомое лицо, и все внутри у нее опустилось. Грейс достала из сумочки тюбик с тональным кремом и растерла крем под глазами. Однако лучше от этого не стало. Теперь она походила на утомленную женщину с размазанным под глазами тональным кремом. Да кто она такая, чтобы настолько презрительно относиться к «Вог»?

Наступил ли достаточно серьезный момент для звонка Сарабет? За последние несколько месяцев Грейс поняла, что ей не хочется отвлекать своего агента от настоящей работы, то есть работы с *настоящими* писателями. Другими словами, было бы неправильно прерывать, например, встречу с лауреатом национальной премии литературных критиков, для того чтобы спросить, стоит ли ей – Грейс – тайком сбежать в ближайший салон красоты и попросить кого-нибудь из специалистов быстренько привести в порядок ее лицо. И что насчет прически? Остаться ли ей в своем привычном образе – тугой пучок, прилизанные волосы, сколотые при помощи довольно толстых длинных шпилек (такие использовали когда-то для пластиковых бигуди, поэтому теперь их с каждым годом все труднее и труднее доставать). Или распустить волосы и расчесать? Но так она всегда ощущала себя неопрятной и сама себе казалась девчонкой.

«Радоваться надо, – уныло подумала Грейс, – что я могу выглядеть, как девчонка».

Конечно, она была не девочкой, а вполне зрелой женщиной, самодостаточной и в чем-то даже утонченной, с массой обязанностей и привязанностей. Она уже давным-давно обозначила для себя некие критерии своей внешности и сознательно оставалась в этих рамках. Она даже испытала облегчение оттого, что не приходилось бесконечно менять стиль в поисках более приемлемых вариантов или же стремиться к высотам идеальной красоты. Грейс понимала, что большинство людей считают ее сдержанной и суховатой особой, но это ее ничуть не беспокоило. Ведь существовала и другая Грейс, которая носила джинсы, жила в доме у озера и распускала волосы, как только возвращалась домой с работы. Но только эта Грейс не выставлялась напоказ всему свету. Она была в достаточной мере молода и довольно привлекательна. И вполне компетентна. Хотя...

Что касается пункта, связанного со славой, то этот момент тоже приближался. Вот бы нанять актрису (повыше и посимпатичнее самой Грейс!), чтобы та сыграла бы роль автора ее книги. Актриса надела бы наушник, а Грейс подсказывала бы ей нужные слова («В большинстве случаев ваш потенциальный супруг очень скоро расскажет вам все, что вы должны были бы узнать...»), а Мэтт Лауэр или Эллен Дедженерес только бы убедительно кивали. «Но я уже большая девочка», – подумала Грейс, машинально вытирая пыль с зер-

кала тыльной стороной ладони, и вернулась в кабинет.

Ребекка сидела в кресле Грейс, уставившись в экран своего телефона, журнальный столик чуть сдвинули углом от кушетки, а вазу с розами и гранки ее книги переместили вбок и вперед, чтобы они тоже попали в кадр. Никто не удосужился подсказать ей, куда садиться.

– У вас очаровательный муж, – произнесла Ребекка.

– А, да, – отозвалась Грейс. Ей не нравилось, когда разговор начинался вот так внезапно. – Благодарю вас.

– Как же ему это удается? – продолжала Ребекка.

Рон, в это время уже смотревший в объектив одной из своих камер, поинтересовался:

– А что именно?

– Он лечит больных раком детей.

– Он педиатр-онколог, – сдержанно сообщила Грейс. – В Мемориальном центре.

Вообще-то клиника называлась «Онкологический мемориальный центр имени Слоуна-Кеттеринга», но она очень надеялась, что репортеры сейчас сменят тему разговора.

– У меня бы ни за что не получилось. Он, наверное, святой.

– Он хороший врач, – согласилась Грейс. – Это сложная область.

– Боже мой! – подхватил Рон. – У меня бы тоже ничего не вышло.

«Ну и хорошо, что вас об этом никто и не просит», – раз-

драженно подумала Грейс, а вслух добавила, надеясь отвлечь их от этой темы:

– Я пыталась придумать, что мне сделать с волосами. А вы как считаете? – Она дотронулась до тугого пучка на затылке. – Я могу их распустить, у меня есть массажная щетка.

– Не надо, оставим так. Лицо хорошо видно. Ладно? – спросил Рон. Правда, эти слова были адресованы не ей, а Ребекке.

– Давай попробуем, – согласилась та.

– Хорошо.

Он снова взял камеру, посмотрел в нее и произнес:

– Значит, пока что потренируемся, хорошо? Не волнуйтесь!

И прежде чем Грейс успела отреагировать, раздался громкий металлический щелчок.

И в тот же миг она буквально окаменела.

– Только не это, – рассмеялся Рон. – Я же сказал: будет совсем не больно. Вам удобно?

– Вообще-то нет, – отозвалась Грейс и попыталась улыбнуться. – У меня раньше ничего такого не было. Я хотела сказать, меня никогда не фотографировали для журнала.

«Вот так и сформировалась окончательно моя инфантильность на публике», – подумала она, и остатки храбрости тут же покинули ее.

– Что ж, для первого раза лучшего журнала и не найти! – весело заявил Рон. – А я все сделаю так, что вы будете вы-

глядеть потрясающе и даже подумаете, что сюда приходила какая-то супермодель и выдавала себя за вас.

Грейс выдала какой-то совсем уж неестественный смешок и расслабилась, устроившись поудобнее.

– Очень хорошо! – бодро поддержала ее Ребекка. – Только поменяйте положение ног, скрестите их по-другому, ладно? Тут нужен другой угол наклона.

Грейс повиновалась.

– А теперь начали! – жизнерадостно объявил Рон и тут же с дикой скоростью принялся за работу. Щелк-щелк-щелк. – А как же, – продолжал он, изгибаясь, подаваясь то вперед, то в сторону, добиваясь, как догадалась Грейс, едва заметных изменений ракурса в каждом кадре, – как же называется ваш роман?

– Роман? Но я писала не роман. Да и не смогла бы я написать роман.

Тут до нее дошло, что, возможно, сейчас не стоит разговаривать. Как будут выглядеть губы и рот в кадре, если она станет что-то при этом говорить?

– Так у вас нет новой книги? – продолжал Рон, не отрываясь от камеры. – А я думал, вы писательница.

– Нет. То есть да. Я написала книгу, но я не писательница. Я хотела сказать... – Грейс нахмурилась. – Это книга о браке. Я специализируюсь на работе с супружескими парами.

– Она психоаналитик, – пришла на помощь Ребекка.

«Но неужели я при этом еще и не писательница?» – поду-

мала Грейс, и это ее возмутило. Она написала книгу, разве это не делает ее писательницей? Тут ей в голову пришла еще одна мысль.

– Я никого не нанимала, чтобы писать, – убедительно про-должала она, как будто Рон ее в чем-то обвинил. – Я написала ее сама.

Рон остановил съемку и теперь что-то разглядывал на цифровом мониторе.

– Вообще-то, – начал он, даже не поднимая на нее глаз, – мне хотелось бы, чтобы вы сели чуть левее. Простите, с моей стороны левее. И немного отклонились назад, можно?.. Хорошо. – Он о чем-то задумался и добавил: – Мне кажется, мы все-таки ошиблись насчет волос.

– Согласна, – не стала спорить Ребекка.

Ловкими движениями Грейс удалила из прически три внушительные шпильки. Пучок ухоженных волос распустился и темно-каштановым водопадом мягко лег ей на плечи. Грейс уже собиралась распустить пряди, но Рон вовремя остановил ее.

– Нет, не надо, – попросил он. – Так лучше. Рельефнее, что ли. Вам не видно, но темные волосы прекрасно контрастируют с цветом вашей блузки.

Грейс не стала его поправлять. Разумеется, это была не блузка, а тонкий и мягкий свитер светло-кофейного цвета, один из примерно пяти имевшихся у нее. Но ей действительно не хотелось разговаривать с Роном о блузках, пусть даже

он и работал фотографом в журнале «Вог». Затем последовала очередная перестановка вазы. И небольшое перемещение книги на столике.

– Отлично, – объявил Рон. – Теперь все правильно. Давайте начнем.

Он приступил к съемкам. Ребекка молча наблюдала за процессом. Грейс пыталась выровнять дыхание.

Она крайне редко садилась сюда, и вид с кушетки казался ей непривычным. Она отметила, что плакат с пейзажем Элиота Портера висит криво, а на стене возле выключателя образовалось жирное пятно. «Надо этим заняться», – подумала она. И, возможно, уже пора снять Элиота Портера и заменить на что-то другое. Она устала от этой картинки. И разве все остальные тоже не устали от нее?

– Брак, – неожиданно произнес Рон. – Это же просто жуть как важно. Похоже, ничего нового уже и сказать-то нельзя.

– Сказать что-то новое всегда можно, – парировала Ребекка. – Ведь именно в браке никому не хочется оступиться и совершить ошибку.

Рон встал на одно колено и сделал снимок под большим углом. Грейс попыталась вспомнить, какой эффект давал такой кадр: казалась ли от этого шея длиннее или короче.

– А я об этом как-то сильно и не задумывался. Мне казалось, вот ты встретил кого-то, и если это правильный, твой человек, то сразу все становится понятно. То есть когда я познакомился со своей женой, мне сразу было все ясно. Я

вернулся домой и тут же сказал парню, с которым мы вместе снимали жилье: «Это та самая девушка». Ну типа там, любовь с первого взгляда и все такое.

Грейс закрыла глаза. Потом вспомнила, что происходит, и снова открыла их. Рон отложил одну камеру, взялся за другую и, пока он колдовал над ней, Грейс поняла, что разговаривать можно.

– Сложность заключается в том, что если человек считает, что ему уже «все понятно», он может не обратить внимания на других, попросту теряя их. Я искренне считаю, что у каждого человека существует множество подходящих кандидатов для счастливого брака, и они постоянно встречаются нам на жизненном пути. Но мы все так преданы идее о любви с первого взгляда, что можем пропустить куда более подходящий вариант, потому что этот человек не ослепил нас при первой встрече и гром в этот момент не прогремел.

– Вы не могли бы посмотреть вот сюда? – попросила Ребекка.

«Другими словами, не могли бы вы заткнуться?» – тут же пронеслось в голове у Грейс. Она взглянула на Ребекку. Та устроилась в личном кресле Грейс за ее личным столом. Чтобы как-то сгладить этот неприятный факт, Грейс попыталась улыбнуться. И от этого ей сделалось еще хуже.

Но было кое-что еще. Пока она сидела, напряженная, зажатая и перекрученная, это кое-что начало движение у нее в голове, несмотря на серьезную фотосессию для журнала

«Вог». (Ну, читатели-то уж точно никогда не перепутают ее с фотомodelью!) Еще на Грейс подействовал дискомфорт ситуации – не должна она была сидеть на этой кушетке. И вот теперь это «кое-что» уже ясно вырисовывалось в голове. Это был неопровержимый факт. Потому что ей – точно так же, как фотографу Рону, как множеству ее пациентов в этой самой комнате, как неведомому числу будущих читателей ее книги – все сразу же стало абсолютно понятно, как только она увидела Джонатана Сакса. Она сразу поняла, что выйдет за него замуж и будет любить его до конца своей жизни. Эту правду она скрывала и от агента Сарабет, и от редактора Мод, и от публициста Дж. Колтон, как скрывает и сейчас от журналистки Ребекки, которая вот-вот сама выйдет замуж, и от Рона, которому, как и ей самой, сразу, при первой же встрече стало все понятно насчет его будущей жены.

Тем вечером она очутилась на другом берегу реки Чарльз. Наступали первые осенние холода, она была в компании своей подружки Виты и ее бойфренда. Они отправились на вечеринку в честь Дня Всех Святых в какое-то жуткое подобие пещеры, расположенное в здании медицинской школы. Ее друзья пошли вперед, а она замешкалась, ей нужно было в туалет. Грейс стала искать уборную и заблудилась в коридорах подвала, как мышка в лабиринте. Она испугалась и разозлилась на себя.

И вдруг, совершенно неожиданно, она оказалась не только уже не одна, а в компании с мужчиной, которого сразу же

узнала, хотя и была абсолютно точно уверена, что никогда его раньше не видела. Это был сухопарый парень с неухоженной лохматой шевелюрой и совершенно безвкусной недельной щетиной, в футболке «Джонс Хопкинс». Он нес пластиковую бадью с грязным бельем, поверх которого лежала книга о Клондайке. Увидев Грейс, он улыбнулся, и ей показалось, что от этой улыбки земля сошла со своей оси, а мрачные коридоры засияли. Это было то, что надо, и вся ее жизнь сразу изменилась.

В мгновение ока этот пока еще безымянный мужчина стал для нее самым желанным, самым драгоценным, самым-самым. Ей сразу стало все понятно. Итак, она выбрала его, и в результате все в ее жизни стало правильным, в том числе правильный муж, правильный ребенок, правильный дом и правильная работа. С ней все произошло именно так. Только она не могла рассказывать об этом. В особенности сейчас.

– Послушайте, а может, мы сделаем несколько портретов крупным планом? Не возражаете? – осведомился Рон.

«Разве я могу возражать?» – пронеслось в голове у Грейс. Разве ей дали право голоса?

– Хорошо, – кивнула Ребекка, подтверждая подозрение Грейс, что вопрос был адресован не ей.

Она подалась вперед. Объектив приблизился на такое расстояние, что до него оставалось всего несколько дюймов. Грейс подумала о том, как было бы интересно заглянуть в него и увидеть глаз фотографа с другой стороны. Она впи-

лась в объектив взглядом, но перед ней оставалась только темная стеклянная гладь да слышалось мерное пощелкивание. Никого там больше не оказалось. Потом мелькнула мысль, а ощутила бы она то же самое, если бы камеру держал Джонатан. Правда, ей так и не удалось припомнить ни единого случая, чтобы Джонатан вообще когда-либо держал в руках фотоаппарат. Щелк! И уж тем более так близко от ее лица.

В их семье по умолчанию роль фотографа всегда доставалась ей, правда, камера была простая, без всех тех прибамбасов, которые сейчас Грейс наблюдала в своем маленьком кабинете. Не обладала она и профессионализмом в этом деле, как Рон, да и не было у нее особой страсти к фотографии. Она просто снимала дни рождения, отдых в лагере на выходных, поездки в гости. Щелк! Фото Генри, так и заснувшего в костюме Бетховена. Щелк! А вот он играет с дедушкой в шахматы. Щелк! Вот ее любимая фотография Джонатана в День памяти павших, всего через несколько минут после окончания гонки на шоссе. На щеках еще капли от вылитого на лицо целого стакана воды, выражение гордости, которое ни с чем не спутаешь, а еще вполне различимая страсть. «Или это только взгляд в прошлое?» – подумала Грейс. Щелк! Может, только она видела страсть на этой фотографии, потому что позже, произведя подсчеты, поняла, что Генри они зачали через пару часов после того, как она сделала этот снимок. После того, как Джонатан перекусил и

долго-долго стоял под горячим душем, после того, как уложил Грейс в ее же собственную детскую кровать и... Щелк! Перекатился через нее, снова и снова повторяя ее имя, и она хорошо помнила, как была счастлива тогда и... Щелк! Конечно счастлива, и не только из-за того, что они занимались любовью и делали ребенка, о котором она так мечтала, потому что в тот момент даже возможность зачатия была не так уж важна сама по себе, нет, самое главное – это он и... Щелк! И они, и вот этот момент, который сейчас вдруг всплыл на поверхность: один глаз и другой глаз, который, должно быть, смотрит на нее через объектив.

– Чудесно, – объявил Рон и опустил камеру. Теперь она снова смогла разглядеть его глаз: карий и, по большому счету, самый обыкновенный. Грейс чуть не рассмеялась от растерянности. – Нет, правда, все было замечательно, – сказал он, видимо, не сумев понять ее. – Вот мы и закончили.

Глава вторая

Что может быть лучше, чем растить детей?

В высшей степени умышленное пренебрежение состоянием таунхауса, расположенного на Восточной семьдесят четвертой улице и принадлежащего Салли Моррисон-Голден, явствовало прежде всего из его фасада. В наружных ящиках для растений торчали немислимого вида увядающие и уже давно засохшие цветы, а к железной решетке над входной дверью был привязан сдувшийся красный воздушный шарик. Дом стоял на густо усаженной деревьями стороне улицы между двумя безупречными особняками, возведенными в старинном стиле в то же время (и, скорее всего, теми же архитектором и строителями). Казалось, эти элегантные здания с ухоженными и, безусловно, дорогими растениями и до блеска вымытыми окнами уже давно запаслись терпением и снисходительно относились к своему соседу, все больше напоминающему городские трущобы.

Дверь Грейс открыла дородная домработница, немка по происхождению. В доме царил такой же полный беспорядок, граничащий с разрухой, и это впечатление усилилось уже у самой двери (та не открывалась до конца из-за сваленных за ней переполненных пакетов). Такой же бардак наблюдался

повсюду, и причиной ему были дети. Повсюду были разбросаны следы их бурной игровой деятельности – в коридоре до самой кухни и на лестнице, ведущей наверх (в такие же, вне всяких сомнений, захламленные помещения которых Грейс отсюда не видела). Но все это делалось умышленно, как показалось Грейс в тот самый момент, когда женщина (Хильда? Или Хельга?) открыла ей дверь и она осторожно вошла внутрь.

Салли была, пожалуй, самой богатой женщиной из всех знакомых Грейс, и имела несколько человек прислуги, по крайней мере кто-то из них должен был поддерживать порядок в доме. О чистоте говорить не приходилось из-за присутствия тут четверых детей (а были еще двое от первого мужа Саймона Голдена, они приезжали сюда на выходные с полным набором своего добра, куда входило все для выполнения домашних заданий плюс спортивное снаряжение и всевозможные электронные приспособления). И все же Салли упорно продолжала скапливать немислимое количество всевозможного хлама. Все пространство возле лестницы было завалено им. Тут лежали горами бесчисленные пары изношенной обуви, высились похожие на неустойчивые башни пачки старых газет и журналов и, конечно, пакеты с покупками из детских магазинов. Взглянув на них, Грейс машинально произвела в уме быстрый расчет.

Пять минут на то, чтобы передвинуть их, распаковать, аккуратно свернуть пакеты и положить в то место, где хранятся

подобные им для дальнейшего использования. Две минуты – чтобы собрать все кассовые чеки и спрятать в папку или ящик, где они обитают (или должны обитать), снять ярлыки с одежды и отнести ее к стиральной машине. Еще две минуты – отправить краски и бумагу туда, где дети рисуют. И наконец, две минуты на то, чтобы собрать упаковочную бумагу и вынести ее на улицу к мусорному баку. На всё ушло бы максимум одиннадцать минут. Неужели это так трудно сделать?

Элегантный дом, выстроенный в стиле греческого Возрождения, задыхался и требовал разгрузки. Зубчатые контуры лепнины и мелкозернистая штукатурка стен почти не проглядывались из-за бесчисленных детских рисунков, нарисованных пальцами, и аппликаций из макарон, наклеенных комками и лентами, как попало, словно прихожая и вся территория у двери были игровой площадкой на улице за территорией детского сада.

Даже ктубу, брачный контракт Моррисон-Голден, по изяществу и красоте иллюстраций больше напоминающий еврейскую Келлскую книгу, обрамляла рамка из палочек от замороженного сладкого льда, беспорядочно переплетенных вперемешку с какими-то перьями и пушинками, склеенных как попало. (Вот это, подумалось Грейс, как ни странно, было вполне уместно. Салли приняла иудаизм по настоянию своего тогдашнего жениха, а сразу после свадьбы с легкостью позабыла обо всем, что было связано с евреями. Впрочем, как и в первую очередь он сам.)

Грейс пошла на звук голосов, означавших, что собрание шло полным ходом в небольшой новой пристройке к кухне, выходящей в садик. Салли восседала между льстивой по натуре Амандой Эмери и Сильвией Стайнмец, матерью-одиночкой умницы Дейзи Стайнмец. Дейзи была удочерена из Китая в возрасте одного года, а теперь, минуя третий класс, сразу стала самой юной ученицей в средней школе Рирден.

– Слава богу, – засмеялась Салли, поднимая глаза. – Ну, теперь мы действительно сможем все закончить.

– Неужели я так здорово опоздала? – спросила Грейс, хотя знала, что это не так.

– Нет-нет, просто похоже на то, что без твоего успокаивающего влияния на всех нас мы так и не договоримся. – Она попыталась уgomонить вертлявую годовалую малышку, сидевшую у нее на коленях, самую младшую из всех ее детей. Девочку называли Джуна (как объяснила сама Салли, в честь ее покойной свекрови Дорис).

– Может, сварить еще кофе? – поинтересовалась то ли Хильда то ли Хельга, которая прошла на кухню вслед за Грейс. Она стояла босая, при этом ее ступни чистотой не отличались, как успела отметить Грейс. В носу у нее было украшение в виде колечка из темного металла, которое тоже не мешало бы хорошенько почистить.

– Ага, можно. И, если ты не против, забери малышку. Без ее активного участия мы закончим намного быстрее, – отозвалась Салли, словно ей пришлось извиняться.

Помощница молча протянула руки к извивающемуся ребенку, которого Салли передала ей через стол. Джуна, понимая, что перестает быть центром внимания, в знак протеста издала пронзительный крик, не хуже, чем самая настоящая звезда эстрады.

– Пока-пока, моя сладенькая, – заворковала Сильвия. – Боже, какая же она умненькая.

– Хоть бы так и вышло, – заметила Салли. – Больше у меня детей не будет.

– Да ну! А ты уверена? – подключилась к разговору Аманда. – Для нас с Нилом этот вопрос пока что остается открытым.

Грейс не очень хорошо знала Аманду и поэтому не поняла, к чему могли относиться ее слова. К вазэктомии? Замораживанию яйцеклетки? У Аманды были десятилетние дочери-близняшки. Несмотря на то, что она недавно сделала себе «омоложение лица», ее возраст – сорок пять лет – легко угадывался.

– Нет, это уже всё и окончательно. Честно говоря, Джуна стала для нас настоящим сюрпризом, но мы подумали – какого черта? То есть почему бы и нет?

«В самом деле, почему бы и нет?» – подумала Грейс. При этом и она, и остальные присутствующие женщины прекрасно понимали, что такое иметь четверых (а по большому счету – шестерых) детей в Нью-Йорке. Двое детей – это значит, что ты размножилась, да еще как, а это уже достаточно доро-

го. Три ребенка могут означать, что в третий раз оплачивать частную начальную школу, летний лагерь, хоккейные тренировки в престижном клубе и репетиторов для поступления в колледж было бы нелогично. Но четыре ребенка... Немногие семьи на Манхэттене имеют четверых детей. Ведь это не только дополнительная няня, а еще и таунхаус. Не будете же вы просить детей жить по двое в комнате. Детям требуется личное пространство, чтобы выразить свою индивидуальность.

– А еще я рассуждала так, – продолжала Салли, – что может быть лучше, чем растить детей? У меня была блестящая карьера, но я совершенно забыла о ней после того, как родилась Элла. Даже на встрече однокурсников в прошлом году, когда все женщины наговорили мне всякой чепухи из-за того, что я бросила работу. Как будто у меня остались какие-то обязательства перед университетом, и теперь они будут диктовать мне, как жить дальше. Я просто смотрела на них и думала: «Вы неправы». И не позволяйте никому убеждать себя в том, будто это не самое важное, что вы способны сделать. – Последние слова были обращены к Аманде, как будто сегодня здесь обсуждался именно этот вопрос.

– Да-да, я знаю, – негромко произнесла Аманда. – Но только у меня ведь близнецы, а это так трудно! И они ни разу не захотели заниматься чем-то вместе, упаси боже! Одна хочет петь вместе с «Бродвей кидс», другую тянет заниматься гимнастикой. Сильвия ни за что не поедет в один и тот же

лагерь со своей сестрой. Слава богу, родительские дни два раза в месяц, и я успеваю навещать обеих.

То ли Хильда то ли Хельга принесла поднос с кофе и поставила его на длинный стол. Грейс достала коробку сливочного печенья, ради которого специально останавливалась около «Гринберга», и при появлении угощения все присутствующие разом оживились.

– Беда моим бедрам, – вздохнула Салли и ухватила сразу несколько штук.

– Твоим бедрам нечего опасаться, – возразила Аман – да. – Я их видела. Они – повод для зависти у половины населения Верхнего Ист-Сайда.

– Ну, что ж... – Салли выглядела довольной, – а я ведь вроде как тренируюсь. Саймон сказал, что если я пробегу полмарафона на пляже, он свозит меня в Париж.

– Моя мама точно такие же покупала, – заявила Сильвия, откусывая кусочек печенья. – А еще там пекут такие крохотные булочки с корицей. У них какое-то немецкое название.

– «Шнекен», – подсказала Грейс. – Очень вкусные.

– Давайте начнем? – предложила Салли. Она не росла в этом городе и не могла поделиться ностальгическими воспоминаниями. Поэтому в голосе ее прозвучало легкое раздражение.

Все достали блокноты, сняли колпачки с ручек и уважительно посмотрели на Салли. Она являлась председателем их комитета и сейчас вела собрание.

– Хорошо. Остается два дня. А у нас... – Она замолчала и по-девичьи непосредственно пожала плечами. – Но я не волнуюсь.

– А я немного обеспокоена, – вставила Сильвия.

– Да нет, все в порядке. Вот... – Салли повернула свой блокнот к присутствующим. Их взорам предстал внушительный перечень предлагаемых комитетом услуг, написанный синим фломастером. – Люди хотят прийти к нам, они готовы потратить деньги. Вот что самое главное. А остальное – детали. Уже двести человек подтвердили свое желание участвовать в аукционе. Ну, почти двести.

Грейс посмотрела на Сильвию. Из трех женщин она знала ее лучше остальных. Или по крайней мере была знакома с ней дольше, чем с остальными. Не то чтобы они были особенно близки. Сильвия больше помалкивала.

– Вчера утром я была у Спенсеров. Помощница Цуки и хаус-менеджер все мне показали.

– А самой Цуки не было? – спросила Сильвия.

– Нет, но я осмотрела все с помощниками.

Грейс кивнула. Добиться разрешения осмотреть жилище Спенсеров было удачным маневром и огромным успехом комитета. И к тому же прекрасной мотивацией для тех двухсот счастливиц, кто пожелал присутствовать на мероприятии, заплатив за это по триста долларов. Цуки Спенсер, третья жена Джонаса Маршалла Спенсера и мать дошкольников, которые собирались учиться в школе Рирден, прожива-

ла в одной из самых престижных многоуровневых квартир в городе. (Вообще-то это были три квартиры на двух этажах, объединенные в одну и простирающиеся на всю ширину здания на Пятой авеню.) Она неожиданно позвонила в прошлом месяце, точнее, передала через помощницу, и та сообщила, что так как миссис Спенсер сама не сможет участвовать в работе комитета, она с удовольствием предоставит помещение для проведения мероприятия. А ее помощники помогут сервировать угощения, которые будут доставлены в дом, а также смогут предложить гостям вино. Семейство Спенсеров владело собственными виноградниками в Сономе.

– А ты сама с ней знакома? – спросила Грейс у Салли.

– Практически нет. Киваю в знак приветствия, когда вижу ее в школе, вот и все. Ну, я, конечно, отправила ей по электронной почте приглашение поработать в комитете, но не ожидала получить ответ. Тем более такой.

Все приглашения успешно прошли проверку системы защиты, которая оказалась серьезной преградой для успешного проведения мероприятия. Впрочем, старания комитета увенчались успехом, и дело того стоило.

– Господи, я так рада! – проворковала Аманда. – Вы видели картины Джексона Поллока?

Эти картины висели на фасадных стенах в обеденном зале Спенсеров. Грейс видела их только в журнале, посвященном современной архитектуре.

– Наверное, видела, – достаточно честно сообщила Сал-

ли. – Сильвия, твой приятель уже договорился? Как же все-таки здорово, что он согласился сделать это для нас.

Сильвия кивнула. У нее был друг в «Сотбис», который действительно изъявил согласие провести аукцион.

– Он сказал, что это будет его благодарность за то, что я помогала ему с тригонометрией. Сказать по правде, мне это далось нелегко.

– А как у нас насчет аукциона в целом? – поинтересовалась Грейс, просматривая список в блокноте Салли и стараясь ускорить ход собрания.

– Да, верно. У меня есть сигнальный экземпляр каталога. Аманда, куда я его задевала?

Аманда указала на брошюру с неровным обрезом, лежавшую среди бумаг на столе.

– Отлично, – произнесла Салли. – Это не окончательный вариант, мы можем внести кое-какие изменения до завтрашнего утра, но уже завтра днем каталог будет напечатан и... Сильвия?

– В субботу в час мы забираем тираж, – бодро отозвалась та.

– Хорошо. – Салли надела очки, открыла брошюру и принялась зачитывать отпечатанный текст.

Цветы от «Л’Оливье» и «Уайлд Поппи». Сдающиеся для кратковременного отдыха дома – шесть в Хэмптонсе, один на Файер-Айленде («Вариант для семейного отдыха», – уточнила она), пара домов в Вейле и Аспене и один в Карме-

ле, штат Нью-Йорк (последнее предложение особого энтузиазма не вызвало). В список входила консультация одного из ведущих декораторов города (его дочка училась в двенадцатом классе), мастер-класс по кулинарии на восемь человек в весьма популярном ресторане (сын помощника шеф-повара в седьмом классе), возможность на целый день стать тенью мэра Нью-Йорка (близнецам эксперта по внешнеполитическим вопросам предстояло учиться в школе на следующий год) и даже нечто под названием «подтяжка лица стволовыми клетками» с участием врача из университета, что звучало устрашающе и поэтому вдвойне интригующе! Грейс мысленно сделала для себя заметку обязательно расспросить на этот счет Джонатана.

– И вот еще что... Кажется, я делала рассылку по этому поводу, – сказала Салли. – А может быть, и нет. Но Натан Фридберг предлагает место в своем лагере.

– Салли, это просто замечательно! – воскликнула Аманда.

– Что за лагерь? – поинтересовалась Грейс.

Аманда повернулась к ней.

– Ну, это же его собственный лагерь. Он скоро начнет работать.

– В «Авеню» писали, – подсказала Салли. – У него будет новый лагерь.

– И путевка на лето туда будет стоит двадцать пять тысяч долларов, – подхватила Сильвия.

– Там... много катаются на водных лыжах? – поинтересо-

валась Грейс.

– Никаких лыж. И морские узлы не вяжут. И костры не жгут, – продолжала Сильвия, вполне довольная собой. – Но дети простых смертных могут даже не мечтать.

– Но... Простите, но я ничего не понимаю. Это ведь летний лагерь? – медленно проговорила Грейс.

– Мне кажется, это просто восхитительно, – начала Аманда. – Ну, давайте разберемся сами. У нас есть дети, которые в будущем сами станут руководителями. Им надо знать, что такое бизнес, а еще научиться самим быть филантропами. Натан мне об этом рассказывал. Он поинтересовался, не захотят ли там поучиться мои близнецы. Я сказала, что лично я только «за», но мои девчонки убьют меня, если я лишу их любимых лагерей. У них же там у каждой своя компания.

Грейс пока что ничего не понимала.

– Куда же поедут дети? И чем будут заниматься?

– Они все остаются дома. Утром их забирает автобус. И к ним приходят разные известные личности и проводят беседы, – пояснила Салли. – Бизнесмены и люди искусства. Дети узнают, что такое бизнес-план и инвестиции. Они совершают экскурсии в известные нью-йоркские компании, а также выезжают за город. Например, в Гринвич как минимум один раз. А на уик-энд у них что-то вроде выходных дней, и они могут заниматься всем, чем обычно. Я записала туда Эллу. Бронвен же хочет все лето пролежать на пляже. У нее еще там любимая лошадка. А потом я подумала: а что, если от-

дать это место, пожертвовать его? Оно стоит двадцать пять тысяч долларов! Если мы используем эти деньги для школы, будет же здорово!

– Bravo, Салли! – улыбнулась Аманда. – Это восхитительно! Просто великолепно!

– Да, конечно, – растерянно пробормотала Грейс. Все это показалось очень странным и шокировало ее.

Женщины вернулись к списку. Консультант приемной комиссии в колледж. Женщина-специалист по составлению генеалогического древа. Она приходит прямо на дом, и вам не нужно долго заполнять анкеты и отвечать на вопросы онлайн. После этого она рисует ваше потрясающее генеалогическое древо в современном стиле. (Грейс на секунду задумалась, а не купить ли ей самой такую услугу. В любом случае надо будет что-то приобрести, а разве это не станет приятным сюрпризом для Генри? Но потом она вспомнила о жутких родственниках Джонатана и передумала. Она представила этих пышущих ненавистью людей на генеалогическом древе своего сына и рассердилась. Потом злость сменило чувство вины, а затем ей стало грустно. Ведь у Генри фактически был только один дедушка. А сознание того, что эти люди жили всего в нескольких часах езды от них, но ни разу не высказали ни малейшего желания посмотреть на своего единственного внука, еще больше ее расстроило.) В списке присутствовали врачи, дерматологи, пластические хирурги. И еще один специалист, которого Аманда назвала «эксперт

по пальцам ног».

– У него одна дочь в третьем классе, а другая учится вместе с Дафной, – пояснила она Сильвии.

Та нахмурилась.

– Он так и называется – «эксперт по пальцам ног»?

– Он известен тем, что укорачивает второй палец на ноге, если тот длиннее первого. Поэтому я специально познакомилась с его женой и спросила ее, не согласится ли он пожертвовать одну такую операцию.

«Только одну? – подумала Грейс. – А как же другая нога?»

– То есть я еще в любом случае спрашиваю знакомых. А почему бы нет? Что они могут ответить, кроме «да» или «нет»? Но они почти никогда не отказываются. Да и почему они должны отказываться, ведь речь идет о школе, где учится их ребенок. Они должны быть счастливы предложить свои услуги и поучаствовать в нашем мероприятии. И какая разница, кто именно согласится, сантехник или врач, верно же?

– В общем, да... – не смогла не вмешаться в разговор Грейс. – Но тут надо кое-что уточнить. Большинству врачей не приходится иметь дело с... – Она чуть не сказала «с человеческим тщеславием», но вовремя остановилась. – Ну, в общем, к любому врачу люди ходят только в силу необходимости.

Аманда откинулась на спинку стула и уставилась на Грейс. Она не сердилась на нее, скорее была несколько озадачена.

– Ничего подобного, – возразила она. – Я вот что скажу.

Мы все хотим следить за своим здоровьем. Даже если речь идет... ну, даже не знаю, живот у вас заболел или сердце... Мы заботимся о себе, и поэтому нам всегда хочется попасть к лучшему специалисту, будь то консультант по финансам или врач. Представьте, сколько жен с радостью заплатили бы за возможность проконсультировать своего мужа у знаменитого кардиолога?

– А у Грейс муж врач, – обронила Сильвия как бы между прочим, и Грейс поняла, почему она это сделала именно так. Теперь они обе предчувствовали неизбежность реакции на подобное высказывание.

– Точно. А я и забыла совсем, – спохватилась Аманда. – А какая у него специализация, напomini нам.

– Джонатан – педиатр-онколог.

На какую-то долю секунды Аманда нахмурилась, потом вздохнула. Она совершенно справедливо решила, что вряд ли кому-нибудь захочется воспользоваться услугами педиатра-онколога, и неважно при этом, насколько он известен.

Салли покачала головой.

– Я все время об этом забываю. Он всегда такой веселый и жизнерадостный, когда я его вижу. То есть он действительно все это делает?

Грейс повернулась к ней:

– Что именно делает?

– Работает с больными детьми и их родителями. У меня бы это никогда не получилось.

– У меня тоже, – подхватила Аманда. – Я с трудом справляюсь, когда у кого-то из моих дочерей просто голова болит.

– Когда речь идет о твоем собственном ребенке, тут совсем другое дело, – пояснила Грейс. Она всегда с сочувствием относилась к родителям, у которых болели дети. Сама она тоже чувствовала себя очень плохо, когда Генри нездоровилось, правда, это случалось крайне редко. Он рос здоровым ребенком. – Когда перед тобой пациент, ты должен проявить все свое умение и навыки, чтобы справиться с болезнью. Ты обязан помочь. И ты должен сделать жизнь этого ребенка лучше.

– Ну да, – с сомнением в голосе проговорила Аманда. – А потом они умирают.

– Но ты сделал при этом все возможное, – не уступала Грейс. – Неважно, что могут сделать врачи, люди все равно болеют и умирают, в том числе и дети. И так будет всегда. Но я бы предпочла иметь больного раком ребенка сейчас, чем двадцать лет назад. И к тому же лучше, чтобы это было в Нью-Йорке, а не в каком-то другом городе.

Аманда, судя по всему, не согласилась с этим утверждением и только покачала головой.

– Все равно я бы не смогла. Ненавижу больницы. И этот больничный запах. – Ее передернуло, как будто в дорогих трущобах Салли Моррисон-Голден на нее вылили целую бутылку лизола.

– А мне бы хотелось, чтобы у нас было побольше... ну...

как сказать... всяких художников и писателей, – заметила Сильвия. Она сама подняла эту тему и теперь намеревалась развить ее. – Обед с оперным певцом или визит в студию художника. Почему у нас так мало художников?

«Да потому что их дети не учатся в школе Рирден», – с раздражением подумала Грейс. На карте частных школ Нью-Йорка Рирден занимала место на перевале между хребтом Уолл-стрит и пиками, где располагались крупные корпорации. Дети родителей творческих профессий, актеров и писателей обучались в других школах – Филдстоне, Далтоне, Санта-Анне. Конечно, в то время, когда сама Грейс ходила в школу, разграничение было не столь очевидным. У одной ее подружки отец был поэтом и преподавал в Колумбийском университете. У другого приятеля, напрочь лишенного музыкального слуха, оба родителя трудились в нью-йоркской филармонии. А одноклассники Генри росли в семьях управляющих состояниями и прочих бойцов хеджевого фонда. Такое положение дел было, разумеется, не самым удачным, но тут уж ничего не поделаешь.

– Что ж, мне кажется, у нас все очень хорошо получается, – объявила Салли. – Итого сорок лотов, каждый что-нибудь да выберет, верно ведь? Я ничего не упустила? У нас еще остается время, можно что-нибудь добавить, если кто-то хочет.

– Я вот что подумала... – начала Грейс и сама удивилась, насколько скромно прозвучали ее слова. – Ну, то есть если

вы захотите. Моя книга практически готова. Правда, пока только в виде гранок, но я могу пообещать экземпляр. Ну, в смысле, с дарственной надписью и моим автографом.

Женщины посмотрели на нее.

– Ой, точно, – вспомнила Аманда. – А я и забыла, что ты книгу написала. А про что твоя книга? Детектив? Я всегда ищу интересные книги, чтобы потом читать их на пляже.

Грейс осознала, что начинает хмуриться. Это было лучшей альтернативой смеху, как она уже давно убедилась.

– Нет-нет. Я не такой писатель. Я психоаналитик, вы же знаете. Эта книга посвящена бракам. Моя первая, – продолжала она, на этот раз с неудовольствием отметив оттенок гордости в своей интонации. – А называется «Ты же знала».

– Как? – переспросила Аманда.

– «Ты же знала», – повторила Грейс, на этот раз громче.

– Нет-нет, это я расслышала. Мне интересно, что я должна была знать?

– А, вот оно что... Дело в том, что мы всегда лучше видим человека в самом начале отношений.

Во время очень долгой, затянувшейся паузы, которая последовала за ее словами, у Грейс появилось достаточно времени, чтобы переоценить многое в своей жизни – звание, ученую степень и многое из того, что прежде было так дорого. Все в отношении ее профессиональной деятельности.

– А может, ты проведешь сеанс психотерапии? – воодушевленно предложила Салли. – Ну, мы это опишем так: «Из-

вестный специалист по вопросам брака примет семейные пары и проведет сеанс терапии».

Сраженная таким предложением, Грейс только и смогла, что покачать головой.

– Не думаю, что это было бы тут уместно.

– Да, но люди могли бы клюнуть.

– Нет. Простите, но нет.

Аманда чуть нахмурилась на какую-то долю секунды. Как раз в этот момент у входной двери раздался звонок, довольно тихо и как будто с ленцой. Испытав невероятное облегчение и даже благодарность этому событию, Грейс сразу почувствовала, как напряжение в их небольшой группе мгновенно улетучилось.

– Хильда! – позвала Салли. – Посмотри, кто там?

Вскоре в кухне послышалось какое-то движение.

– Еще кто-то должен прийти? – поинтересовалась Аманда.

– В общем, нет, – ответила Салли. – Не совсем так.

– Не совсем так? – переспросила Сильвия и хихикнула.

– Нет, я хотела сказать, кое-кто обещал, но я не поняла, точно это или нет, вот и подумала, что...

Из прихожей доносились голоса, приглушенные и плохо различимые. И еще какой-то скрип, как будто от пружин. Вскоре появилась Хильда.

– Можно оставить коляску в коридоре? – спросила она у Салли.

– Да-да, – немного смутившись, ответила та. – Хорошо. – И покачала головой. – Хорошо. – Когда она в следующий раз подняла голову, на ее лице сверкала широкая крупнозубая улыбка. – Привет! – радостно произнесла Салли и встала.

Из-за спины Хильды показалась женщина. Она была среднего роста, с темными волнистыми волосами до плеч, кожей цвета карамели и черными глазами. А изящный изгиб широких бровей, казавшихся еще чернее глаз, создавал впечатление, будто женщина постоянно заигрывает с собеседником. На ней была рыжевато-коричневая юбка и белая блузка с широко распахнутым воротом, открывавшим взорам золотое распятие и довольно впечатляющую глубокую ложбинку между грудями. Женщина, казалось, была немного напугана обстановкой этого большого захламленного дома и горсткой смущенных женщин. По всему было видно, что собрание уже шло полным ходом, а судя по распечаткам и прочим бумагам на столе, уже даже близилось к завершению. Она едва заметно кивнула всем присутствующим, продолжая стоять в дверях и чувствуя себя весьма некомфортно.

– Прошу тебя, садись. – Салли указала на стул рядом с Грейс. – Внимание всем, это миссис Альвес. Она мама Мигеля Альвеса из четвертого класса. Простите, но вам придется напомнить мне ваше имя.

– Малага, – пришла на помощь молодая женщина. Голос у нее был легкий и мелодичный. – Малага, – повторила она уже медленнее, делая явное ударение на первый слог.

– Малага, – проговорила Грейс вслед за ней и протянула руку. – Привет. А я Грейс.

Сильвия и Аманда тоже обменялись рукопожатиями с новой гостьей.

– Привет, привет, – говорила та. – Я поздно, простите. Малышка, она беспокойная.

– Все в порядке, – успокоила ее Салли. – Но, знаешь, мы тут многое успели обсудить. Пожалуйста, присаживайся, – снова попросила она.

Женщина устроилась на стуле рядом с Грейс и, отодвинувшись от приземистого массивного деревянного стола, закинула ногу на ногу. Довольно полные, оценила ее ноги Грейс, но тем не менее изящные. Когда Малага двигалась, под тонким шелком блузки угадывалась крепкая фигура. И опять нельзя было не признать, что при столь пышном телосложении женщина все равно выглядела привлекательной. «Она упомянула о ребенке?» – вдруг промелькнуло в голове Грейс. Да, Малага производила впечатление женщины, которая действительно не так давно родила. Округлые формы ясно говорили о способности к деторождению. Она сложила руки на столешнице, и Грейс сразу заметила тоненькое золотое колечко на безымянном пальце ее левой руки.

– Мы говорили о лотах нашего аукциона, – сказала Салли, и Грейс сразу же невольно отметила, что она произносит слова нарочито медленно. – Все, что мы там заработаем, пойдет на благо школы, именно для этого собираются деньги. Мы

способствуем получению образования, – добавила она и заглянула в свои записи. – Как правило, мы просим родителей выступить со своими предложениями. Может быть, кто-то может предложить что-то, связанное с работой. Например, это художники или врачи. Если у тебя есть какие-то мысли по этому поводу, поделись ими.

Женщина по имени Малага кивнула. Она выглядела чрезвычайно серьезной, как будто только что выслушала какую-то страшную новость.

– Ну, тогда... давайте продолжать, – предложила Салли, и они продолжили. Появление новой женщины подействовало на них, как выстрел стартового пистолета, и дела вдруг пошли заметно быстрее. Они мгновенно обсудили расписание каждой участницы на ближайшие дни, уточнили, кто предоставит обслуживающий персонал для угощения прибывших внизу, в вестибюле (не очень завидная роль), и кто будет встречать гостей наверху, в огромном мраморном зале Спенсеров. Выяснили, есть ли у Сильвии необходимое программное обеспечение, чтобы она смогла подсчитать выручку по окончании вечера. Обсудили препати «Коктейль с директором школы», хотя официально это не входило в их обязанности, но все же требовало координирования действий, а также афтепати, которое должно было проходить в баре-ресторане «Стандарт». Вот за это частично отвечала Аманда (другими словами, ее друзья как раз входили в самую важную группу гостей). Все это, в конце концов, было тщательно прорабо-

тано.

Малага во время обсуждений молчала – даже выражение ее лица не менялось – и лишь иногда поворачивала голову в сторону той или иной говорившей женщины. Но вот настал момент для решения весьма деликатного вопроса – как поступить с основной массой гостей, когда придет время объявлять афтепати. Недопустима даже мысль об избранных и обойденных, хотя число присутствующих в «Стандарте» было давно оговорено и никаких «кандидатов» второго плана даже не предполагалось. И как раз в этот миг обсуждение прервал громкий захлебывающийся крик младенца, и молчаливая женщина тут же вскочила со стула и вышла. Через несколько секунд она вернулась на свое место, держа на руках смуглую малышку, завернутую в зеленую полосатую ткань. Кивнув в знак благодарности женщинам, которые тут же принялись дружно успокаивать младенца, она вытянула руку из рукава шелковой блузки и резким движением стянула с себя белый бюстгальтер, обнажив таким образом чуть ли не половину туловища. Это произошло так быстро, что Грейс не успела даже смутиться, а лишь украдкой поглядывала на Аманду, которая, судя по всему, была буквально шокирована происшедшим. Она вытаращила глаза и чуть заметно покачала головой, выражая свое недовольство. Однако эмоции она продемонстрировала так аккуратно, что заметить их мог только тот, кто в данный момент пристально на нее смотрел.

Проблема, конечно, заключалась не в кормлении грудью, поскольку все присутствующие женщины успешно прошли через это (за исключением разве что Сильвии), и даже не в сочетании принципов, гордости, удобства и заботы о здоровье ребенка. Вопрос был в том, что уж слишком резко и беспечно эта женщина вынула грудь и прижала к роту малышки. Да еще эта толстая плоть ее живота, да полная рука, поддерживающая головку младенца. У этой женщины не было специально сшитого для таких случаев платья, которое в свое время носила Грейс. Там был крохотный вырез для соска, а крой платья не позволял груди оказаться на всеобщем обозрении и быть доступной, например, для похотливых глаз подростков, не способных отличить сексуальные желания от материнской заботы. Малага Альвес, устроив малышку, продолжала смотреть на присутствующих, ожидая возобновления беседы. Остальные женщины, словно после перемены декораций в некоем театре, упорно продолжали делать вид, будто просто не замечают ее.

Ребенок активно сосал грудь, иногда урча при этом. Прошло несколько минут, и Грейс уже мало-помалу смирилась с ситуацией, но тут Малага вынула сосок изо рта младенца, влажно шлепнув им по щеке малышки, после чего, вместо того чтобы спрятать грудь, прежним небрежным способом обнажила вторую и так же беспечно пристроила к ней свое чадо.

К этому моменту напряжение присутствующих стало по-

что осязаемым. Женщины говорили быстро, сминая фразы и торопясь, только чтобы поскорее закончить собрание. Никто не смотрел на Малагу, кроме (как отметила Грейс) Хильды, которая стояла в дверях и злобно взирала на недавно прибывшую полууголенную гостью. Малага продолжала невозмутимо сидеть на своем месте, ее шелковая блузка болталась на спине, как накидка, а бюстгальтер клинышком торчал меж двух пышных грудей. Грейс пришло в голову, что если бы эта женщина была настроена агрессивно, то ее поведение показалось бы сейчас умышленно непристойным. Однако все выглядело по-другому. И даже если жительница Нью-Йорка по имени Малага Альвес и испытывала неприязнь к другой жительнице того же города по имени Салли Моррисон-Голден, она никоим образом этого не показывала. Напротив, она выглядела равнодушной, погруженной в себя, как будто хотела оставаться невидимой для других, и ее поведение нельзя было назвать вызывающим.

Украдкой посмотрев в ее сторону, Грейс вдруг вспомнила еще одну личность, которую как-то раз наблюдала в раздевалке спортзала на Третьей авеню. Она сама переодевалась после занятий аэробикой и тут заметила женщину, стоявшую у зеркала возле двери, ведущей в душевые кабины. Та была совершенно голая, даже без привычного полотенца, которое женщины, как правило, оборачивают вокруг бедер или груди. Ей было лет тридцать или сорок – как раз тот самый возраст, когда твоя внешность зависит от того, на-

сколько ты ею занимаешься, а не от количества прожитых лет, – среднего сложения, не худая и не полная. Пока Грейс, как обычно, выбиралась из пропотевшего спортивного трико, принимала душ, сушила волосы, отпирала свой шкафчик, она обратила внимание, что та женщина все так же продолжала стоять возле большого зеркала в полный рост, не меняя позы, неторопливо расчесывая волосы. Ее поведение да и вообще вся ситуация нервировали остальных, а в раздевалке тогда находилось десятка два женщин, и все они осторожно обходили обнаженную и старались не смотреть в ее сторону. Нагота в раздевалке, конечно же, дело обычное, как и расчесывание волос возле зеркала. Но было в ее позе что-то неестественное. Уж слишком близко она стояла к зеркалу, слишком внимательно рассматривала себя, и ноги расставила чуть шире, чем следовало, и при этом левую руку положила на бедро, а правой медленно и ритмично расчесывала пряди влажных каштановых волос. Вот выражение ее лица было точно такое же, решила Грейс, еще раз взглянув на Малагу Альвес, а потом перевела взгляд снова на Салли, стараясь казаться безразличной. Женщины торопились, подводя итоги собрания, избегая ненужных задержек, только чтобы побыстрее все закончилось. Салли, видимо, вспомнив деньки своей «головокружительной карьеры», беспощадно скомкала заключительную часть обсуждения, не уделяя внимания частной жизни своих подопечных. Все получили личные задания, все важные встречи на субботу в доме у Спенсеров

тоже были распределены. («Малага, это тебе подойдет? – на секунду отвлеклась Салли. – Вот и хорошо».) Все это время младенец продолжал сосать грудь, и Грейс показалось очень странным то, что это крохотное создание так долго терпело голод. И тут, совершенно неожиданно, малютка оторвалась от огромной материнской груди и внимательно оглядела комнату.

– Я думаю, на сегодня мы закончили, – уверенно заявила Салли. – У меня все. Сильвия, тебе есть что добавить?

– Не-а. – И Сильвия шумно захлопнула папку в кожаном переплете.

Аманда уже поднималась со своего места, одновременно собирая со стола бумаги. Она не теряла времени. Малага одним резким движением привела ребенка в более или менее вертикальное положение, но до сих пор не проявила ни малейшего намерения прикрыть наготу.

– Было приятно познакомиться. По-моему, ваш мальчик ходит в тот же класс, что и моя дочка Пайпер. У мисс Левин, да? В четвертый класс?

Женщина кивнула.

– Я в этом году еще не познакомилась с родителями новых учеников, – пояснила Аманда, запихивая бумаги в бледно-зеленую сумочку. – Надо будет как-нибудь всем собраться – всем, чьи дети учатся у мисс Левин.

– Как дела у Мигеля? – поинтересовалась Салли. – Такой милый мальчик.

В ответ Малага отреагировала едва заметной улыбкой и похлопала младенца по спине.

– Да, все хорошо. Учительница с ним работает.

– Пайпер рассказывала, что играла с ним на крыше, – сказала Аманда.

На крышу ученики начальных классов выходили во время перемен. Та была выслана резиновым безопасным покрытием, заставлена различными предметами для детских развлечений и имела надежное сетчатое ограждение, не позволяющее ребятам свалиться вниз.

– Хорошо, – отозвалась Малага. Ее малышка как-то уж очень неэстетично отрыгнула молоко, и Грейс захотелось побыстрее уйти отсюда.

– Ну, всем пока, – бодро заявила она. – Салли, если тебе еще что-нибудь придет в голову, позвони мне, пожалуйста. Хотя, судя по всему, мы здорово со всем справились. Не верится даже, что ты все успела за такое короткое время.

– Ну, мне немного помогла Цуки Спенсер, – засмеялась Салли. – Не требуется особого труда провести такую работу, если тебе помогает мультимиллионерша с собственным танцзалом и виноградниками.

– Вот именно этого мне и не хватает, – добродушно заявила Грейс. – До свидания, Малага, – добавила она, обратив внимание на то, что та наконец-то принялась убирать свои пышные груди назад в бюстгальтер. Грейс повесила портфель через плечо.

– Ты снова на работу? – спросила Сильвия.

– Нет. Отведу Генри на скрипку.

– Ах, ну да. Они все еще занимаются по системе Судзуки? – поинтересовалась Сильвия.

– Уже нет, не совсем. После восьмой книги или, кажется, девятой, они отошли от этой методики.

– И ты до сих пор водишь его на занятия? – спросила Салли с легкой ноткой осуждения в голосе. – Боже, если бы я сопровождала повсюду своих детей, я бы ничего не успевала. Двое ходят на гимнастику, а еще у нас фортепьяно, балет и фехтование. И Джуна, разумеется. Она, правда, пока только легкие упражнения делает в центре «Джимбори», но ты ведь знаешь, какие там повороты бывают. Я не в силах это выносить. Ее туда Хильда водит. Там такие мамочки попадают, вроде тех, что заявляют: «Моя крошка особенная! Она сама съехала с горки!» Так и хочется ей сказать: «У меня уже четвертый ребенок. Конечно, мне не очень приятно вас информировать, но из-за силы притяжения Земли абсолютно все дети сами съезжают с горки». А на уроках музыки я вообще как-то раз чуть не спятила. Пришлось попросить Хильду и музыку тоже взять на себя. У меня возникало такое ощущение, будто я трясусь один и тот же маракас уже десять лет подряд.

– Я уверена в том, что если бы у меня был не только Генри, я бы уже давно все бросила, – убежденно произнесла Грейс. – А когда у тебя только один ребенок, все не так страшно.

– Я подумывала о том, не начать ли Силии ходить на скрипку, – продолжала Аманда. Силия – сестра-близняшка Дафны, крепкая девочка, на голову выше своей сестры и с неправильным прикусом, исправление которого будет со временем стоить весьма дорого. – А где живет его учитель?

Грейс так и подмывало сказать, что это совершенно неважно, поскольку он вряд ли вообще согласится взять одиннадцатилетнюю начинающую ученицу по классу скрипки. И ему нет дела до того, кто ее родители и сколько они готовы платить за уроки. Учитель Генри, язвительный и депрессивный венгр в возрасте под восемьдесят, взял мальчика в ученики только после сложнейшего прослушивания и тщательнейшей проверки его музыкальных способностей. И хотя всем давно было известно, что Генри будет учиться в университете, а не в консерватории (и такое положение дел вполне устраивало Грейс и Джонатана, не говоря уже о самом Генри), тем не менее у мальчика хватило таланта, чтобы оставаться в маленькой, но престижной группе учеников известного музыканта. Видимо, Грейс сумела ответить на вопрос Аманды, сообщив ей, что Виталий Розенбаум проводил занятия в Джульярдской школе (а это до недавнего времени было сущей правдой) или даже в Колумбийском университете (и это тоже было не так далеко от истины, поскольку часть его студентов – те, кто отклонился от дорожки в консерваторию, – сейчас учились именно там, а за консультациями приходили к нему домой в Морнингсайд-Хайтс). В дан-

ном случае требовалось отвечать на третьем уровне правды, чтобы закрыть тему, и Грейс сумела это определить.

– Он на Западной сто четырнадцатой улице, – сказала она.

– Ах, вот как, – отреагировала Аманда. – Ну, неважно.

– Мне очень нравится Генри, – вступила в разговор Салли. – Всегда такой вежливый, внимательный. И еще он такой красавчик. У него потрясающие ресницы, я бы всё отдала за такие. Ты обратила внимание на его ресницы? – обратилась она к Сильвии.

– Я... вряд ли, – улыбнулась Сильвия.

– Это нечестно, самые красивые ресницы достаются мальчикам. Представляете, я трачу целое состояние, наращивая ресницы, а Генри Сакс просто проходит по коридору, разок моргнет, и вы реально чувствуете ветерок.

– Ну... – только и смогла выговорить Грейс. Она понимала, что Салли хотела сделать комплимент Генри или даже самой Грейс, что более вероятно, и все же разговор о красоте сына был ей неприятен. – Мне кажется, они чуть длиннее, чем надо, – наконец нашлась она. – Я как-то не задумывалась над этим в последнее время. Когда он был совсем маленький, да, я действительно замечала, что они длинные.

– У нее ресницы длинные, – неожиданно заявила Малага Альвес, кивнув на малютку, заснувшую у нее на коленях. Да, у нее и в самом деле ресницы оказались тоже достаточно длинные.

– Она красивая, – заметила Грейс, благодарная женщине

за то, что той удалось переключить внимание на своего ребенка. Подтвердить красоту младенца было совсем не сложно. – А как ее зовут?

– Елена, – отозвалась Малага. – Как мою маму.

– Красивая, – повторила Грейс. – О боже, мне пора идти! Мой ребенок с длинными ресницами всегда расстраивается, когда мы опаздываем на скрипку. Всем до свидания, – добавила она, поворачиваясь к выходу. – Увидимся в школе или... в субботу! Это будет что-то!

И с портфелем через плечо она направилась в сторону кухни.

– погоди секунду, я с тобой пойду, – попросила Сильвия. Грейс нехотя остановилась в коридоре, хотя предпочитала всем остальным собравшимся именно Сильвию. Когда входная дверь за ними закрылась, они еще несколько секунд стояли на ступеньках крыльца и смотрели друг на друга.

– Вот это да! – наконец произнесла Сильвия.

Грейс ничего не ответила, поскольку не была уверена, чем именно вызвано такое восклицание.

– Ты сейчас в школу? – поинтересовалась она.

– Да, у меня встреча с Робертом. Очередная встреча из длинной серии подобных встреч. Удивляюсь, почему про нас до сих пор еще не сплетничают.

Грейс улыбнулась. Роберт был директором школы. О его свадьбе со старинным партнером и арт-директором небольшого гастролирующего театра писали даже в «Таймс» на

страничке «Вот это да!» как об одном из первых однополых браков.

– Насчет Дейзи? – спросила Грейс.

– Да, всегда только насчет Дейзи. Продвигать ее дальше по учебе или притормозить? И что для нее лучше – заниматься тригонометрией с десятиклассниками или санитарной культурой с пятиклассниками? Можно ли пропустить начальный курс биологии и сразу перейти к продвинутой химии? Или лучше всего все-таки продолжать заниматься со своими одноклассниками? Все это так меня выматывает... Я понимаю, что не должна жаловаться. И знаю, что должна поддерживать ее достижения в учебе. Но в то же время мне хочется, чтобы она была простой ученицей седьмого класса. Понимаешь? Я не хочу, чтобы она рвалась вперед из детства. Оно ей дано всего один раз, как и всем нам, – сказала Сильвия.

Так они прошли на восточную часть Лексингтона и направились в сторону городской окраины. Эта истина, выданная с напускным безразличием, больно обожгла Грейс. Генри, как и Дейзи, был единственным ребенком в семье, и Грейс мысленно уже представляла себе окончание того периода в его жизни, который называется детством. Пока, конечно, он оставался крохой Генри (и еще, по крайней мере, для матери – малышкой Генри), но время шло очень быстро, и Грейс это понимала. И тот факт, что больше детей у нее не было, делал взросление сына еще более удручающим. И когда закончатся все эти обнимашки, она в каком-то смысле снова

станет бездетной.

Конечно, они не планировали иметь всего одного ребенка. Теперь Грейс понимала, что они безрассудно растратили драгоценное время, когда Генри даже не интересовался, когда же появится братик или сестричка (и появится ли вообще). А Джонатан так часто сталкивался с проблемами онкологии, что не мог ей позволить зайти слишком далеко на пути лечения бесплодия. Он решительно положил этому конец после полудюжины неудачных попыток исцелиться с помощью кломида. Со временем Грейс перестроилась, и Генри стал центром их семейства. Но при этом возникли и свои трудности, как, впрочем, случается во всех нью-йоркских семьях. Если семьи с двумя детьми скромно производят потомство, а те, у кого их трое или больше, имеют уже особые права в обществе, то родители единственного ребенка исполняются невероятной гордостью в отношении своего чада. Еще бы! Он такой один, идеальный во всем, а потому заслуживает их исключительного внимания и особенного воспитания. Единственный ребенок, такой замечательный, естественно, сводит на нет необходимость заиметь еще одного. Это потому, что он один будет способен со временем дать миру больше, чем любое количество менее ценных детей. Родители единственного ребенка в семье выставляют его таким образом, будто делают миру большое одолжение. С этим необычным явлением Грейс была знакома давно. Вместе со своей подругой детства Витой они даже сочинили сти-

хи про таких родителей на мотив известной песенки «Прощай, птичка»:

Один ребенок уникален
И замечателен для мамы,
Всего один – не три, не два...
Один ребенок уникален,
Любить он будет только маму.
Запомни это навсегда...

Разумеется, Грейс и сама была единственным ребенком в семье. Правда, ее родители не возвысили дочь до статуса спасительницы мира, и очень часто она чувствовала себя одинокой. Вернее, как она потом сама себя поправила, не одинокой, а одной. Одна в доме и одна летом у озера. Одна вместе с мамой. Одна с папой. Сложные отношения с братьями и сестрами и сила их привязанности друг к другу всегда восхищали ее. Иногда, находясь в квартире у Виты на Восточной девяносто шестой улице, чем-то напоминающей лабиринт, она замирала в одном из коридоров, ощущая, как движение и споры (обычно это были именно споры) между Витой и ее тремя братьями накатывают на нее, словно волна. И это чувство вполне соответствовало тому, как и должен ощущать себя член настоящей семьи, а совсем не такой, какая была у самой Грейс. Она хотела, чтобы и у Генри была настоящая семья, но только это у нее не получилось.

Виты больше не было. Нет, не в том смысле. Она не умер-

ла. И все равно ее больше не было. Вита обитала где-то тут – подружка, компаньонка, соседка по комнате в старом (а на самом деле полуразрушенном) доме на Центральной площади, – когда они заканчивали учебу, Грейс в Гарварде, а Вита в университете Тафтса, и, наконец – она подружка невесты на свадьбе у Грейс. А потом Вита... просто испарилась, исчезла из жизни Грейс, оставив ее в компании подобия подруг. В очень притом небольшой. Прошли годы, но Грейс была настолько благодарна ей за все, что у нее не находилось повода сердиться. И все-таки она так на нее злилась, что не могла грустить.

– Ты знала, что она придет? – через секунду спросила Сильвия.

– Кто? Та женщина, которая опоздала?

– Да. Тебе Салли что-нибудь говорила?

Грейс отрицательно покачала головой.

– Я не очень хорошо знакома с Салли. Мы видимся только в школе.

Впрочем, то же самое можно было сказать и о Сильвии, даже несмотря на то, что Грейс и Сильвия учились в одной школе (Грейс была на два года младше). Сильвия ей даже нравилась, и сейчас, и еще тогда, в прошлом. Грейс восхищалась Сильвией. Нелегко было в одиночку растить дочь, при этом работая полный день (Сильвия была адвокатом по трудовым спорам) и ухаживая за родителями, когда они вслед друг за другом заболели и умерли, и все это произошло за

последние два года. Но больше всего она уважала Сильвию за то, что та не стала выходить замуж за человека, который не смог бы сделать ее счастливой, только ради того, чтобы родить долгожданного ребенка. Более того, когда Грейс объясняла своим клиентам – в частности, женщинам, – что отказ выйти замуж не за того парня вовсе не означал, что они останутся бездетными, в такие моменты она частенько вспоминала именно Сильвию. И еще ее удивительно талантливую дочку из Китая.

Как-то раз, когда родители привозили детей в школу, одна мамочка начала расхваливать потрясающий и совершенно очевидный ум Дейзи Стайнмец, но Сильвия лишь неопределенно пожала плечами. Грейс услышала тогда, как она заявила: «Но ко мне это не имеет никакого отношения. Это не мои гены. Дейзи почти до года вообще не слышала английскую речь, но стала бегло разговаривать уже через месяц-другой после того, как я привезла ее в Нью-Йорк, а в три года уже читала. Конечно, я радуюсь за нее, она такая умница. Думаю, это поможет ей в жизни. Я хорошая мать, но тут моей заслуги нет».

Такое заявление прозвучало как минимум неожиданно в мраморном фойе школы Рирден.

– Она очень странная, – сказала Сильвия.

– Салли?

– Нет. – Сильвия позволила себе хихикнуть. – Та женщина, Малага. Она подолгу сидит на лавочке в парке через до-

рогу от школы, понимаешь? После того, как приводит сына на уроки. Просто сидит там и все.

– С малышкой? – нахмурилась Грейс.

– Сейчас да. Раньше, когда была беременная, тоже сидела там. При этом она даже книжку не читает. Неужели ей нечем заняться в течение дня?

– Наверное, – ответила Грейс. Для нее, как, вероятно, и для всех остальных обитателей острова Манхэттен, не иметь дел, вернее, даже не так... не быть весь день занятой, как ненормальная, каждую минутку, было просто непостижимо. И для таких женщин, как они сами, обидно и даже оскорбительно. – Может, она сильно переживает за своего мальчика? Мигеля, если не ошибаюсь? – предположила Грейс.

– Да, его зовут Мигель.

– Ну, может, ей хотелось находиться рядом на тот случай, если ему понадобится ее помощь.

– Хм...

Пару кварталов они прошли молча.

– Это как-то очень уж нелепо, – наконец высказалась Сильвия. – Ну, то есть сидеть вот так, как она.

Грейс ничего не ответила. Не то чтобы она была не согласна с таким утверждением. Но ей не хотелось соглашаться всегда и во всем.

– Может, у них так принято, – наконец предположила она.

– Я тебя умоляю, – парировала женщина, у которой дочка-китаянка уже прекрасно разбиралась в тонкостях рели-

гий.

– А кто у нее муж? – поинтересовалась Грейс. Они уже подходили к школе, сливаясь с группой других мам и нянек.

– Ни разу его не видела, – призналась Сильвия. – Учти, я была шокирована не меньше тебя, когда Салли предложила выставить на аукцион парочку твоих сеансов по психотерапии.

Грейс рассмеялась.

– Ладно. Спасибо за поддержку.

– Я понимаю: чтобы воспитать наших детей, требуется достаточно сил, как говорится, целая деревня. Только почему в нашей деревне оказалось столько идиотов? Я ушам не поверила, когда услышала про укорачивание пальцев на ноге.

– Боюсь, ты права. Хотя у меня самой несколько лет назад была клиентка, которую муж бросил из-за того, что у нее, по его словам, были уродливые ступни.

– О боже! – Сильвия остановилась. Вслед за ней остановилась и Грейс. – Вот болван. Он что, был фетишистом?

Грейс пожала плечами.

– Возможно. Но это не столь существенно. Дело в том, что он очень ясно дал понять, что для него важно. И постоянно напоминал ей о том, какие уродливые у нее ступни. С самого первого дня. А когда они разошлись, ее ноги шли первым пунктом в списке причин, почему он не может больше с ней жить. Он, конечно, полный болван, но при этом болван честный и прямолинейный. И ведь она все равно вышла за него

замуж, хотя было предельно ясно, что он проявляет к ней неуважение. Неужели она думала, что он изменится?

Сильвия вздохнула и, достав из заднего кармана телефон, судя по всему поставленный на виброзвонок, заметила:

– Говорят, люди меняются.

– Это ошибка, – авторитетно заявила Грейс.

Глава третья

Не мой город

Рирден не всегда был вотчиной владельцев спекулятивных инвестиционных фондов и прочих разного рода Властелинов Вселенной. Основанная в девятнадцатом веке для обучения сыновей и дочерей рабочих, эта школа сразу стала ассоциироваться с интеллектуалами-атеистами еврейского происхождения и их детишками-леваками. Ее также посещали отпрыски журналистов и художников, некогда попавших в черные списки актеров и фолк-певцов с высокой социальной ответственностью. Ровесники Грейс, учившиеся там, испытывали некую болезненную гордость оттого, что их школу уничижительно называли «богемной» (и не где-нибудь, а в «Путеводителе по частным школам»). Однако за следующие десятилетия Рирден, как почти все частные школы на острове Манхэттен (в дополнение к нескольким в Бруклине), значительно изменил свою «направленность» — не столько в политическом, сколько в финансовом отношении.

Сегодня типичный папаша учащегося Рирдена делал деньги из других денег, только и всего. Это был самоуверенный, настырный и чрезвычайно богатый человек, почти всегда отсутствовавший дома. А типичная мамаша являлась бывшим адвокатом или финансовым аналитиком, теперь по-

глощенная тем, что следила за содержанием многочисленных домов и занималась воспитанием многочисленных детей. Это была очень худая дама, почти всегда крашенная блондинка, обычно спешившая в фитнес-центр, а вся ее жизнь умещалась в дорогой дамской сумочке «Биркин» с белой прошивкой. В школе учились в основном белые (причем евреи уже не составляли большинство), хотя было и немало детей, происходивших из Азии и Индии. Об этих учащих-ся и гораздо меньших по численности выходцах из афроамериканских и латиноамериканских семей много говорилось в рекламных буклетах Рирдена, но о тех, кто действительно пользовался привилегиями при поступлении, умалчивалось. Это были отпрыски прежних выпускников Рирдена, мужчин и женщин, которые вовсе не относились к титанам современной промышленности или ее жонглирующим деньгами аналогам, а были простыми людьми, как и их предки, работавшими в сфере искусства, науки или, как Грейс, занимавшимися так называемым лечебным делом. Они ходили в эту школу до наплыва денег, когда это учебное заведение еще не поглотило чувство собственной исключительной важности.

Эра Грейс (1980-е годы) пришлась на закат простоты и неприязнательности этой школы, на период до того, как все эти Властелины Вселенной наводнили независимые городские школы и выбросили за борт старую гвардию. В те дивные времена Грейс и ее одноклассники знали, что они не из бедных, однако в то же время не считали себя и богаты-

ми. (Даже тогда в Рирдене училось несколько детей очень и очень состоятельных родителей, их привозили в школу в длинных лимузинах с шоферами в форменных фуражках, из-за чего дети сразу же подвергались насмешкам.) Большинство семей жило в стандартных шестикомнатных апартаментах в Верхнем Ист- и Вест-Сайде (в те времена подобное жилье могли себе позволить почти все семьи с одним работающим взрослым – врачом или бухгалтером), хотя некоторые бунтари обитали в Гринвич-Виллидж и Сохо. По выходным и на лето они перемещались в небольшие (и не очень благоустроенные) дома в округах Уэстчестер или Патнам, или же, в случае Грейс, – в скромный домик у озера на северо-западе штата Коннектикут, загадочным образом приобретенный ее бабушкой (и тезкой) в разгар Великой депрессии за смешную по теперешним временам сумму в четыре тысячи долларов.

Нынешние родители, которых Грейс встречала на празднике по случаю начала учебного года, с недоумением смотрели на нее, узнав, что она психоаналитик, а ее муж – врач. Им было непонятно, как вообще возможно обитать в таком тесном жилище, как квартира Грейс на три спальни, или же какой смысл ехать далеко, куда-то в Коннектикут, если там не загородное поместье с конюшней, теннисным кортом и гостевым домиком. Мир, который населяли эти родители, предназначался для титанов и работников, которых они нанимали, чтобы те их обслуживали. Титаны обитали на Пятой

или Парк-авеню в апартаментах, состоявших из нескольких смежных квартир, простиравшихся на два или три этажа, с помещениями для постоянно проживающей там прислуги и для роскошных увеселений. Когда эти новые рирденские семейства уезжали на выходные, то обязательно на частные острова, в имения высоко в горах или во дворцы в Хэмптонсе, где в конюшнях их ждали лошади, а на пирсах стояли яхты.

Грейс пыталась не обращать на это внимания. Старалась напоминать себе, что в школе учится Генри, а не она, и почему ее должно так сильно волновать неравенство между богатыми и отвратительно богатыми, если Генри рос добродушным и независтливым ребенком. Его одноклассники, возможно, росли в роскошных апартаментах, где прислуживала жившая там семья (муж – дворецкий, жена – повар), за детьми ходили табуны няnek, которых потом сменяли табуны гувернеров и учителей. Им, наверное, еще в детском саду дарили айфоны, а в третьем классе – кредитные карточки, однако это, похоже, никак не влияло на Генри. И Грейс изо всех сил старалась, чтобы это никак не влияло и на нее.

Затем как-то раз в субботу ее унизили, да так безыскусно и нарочито, будто с размаху ударили лицом о дверь, и это раз и навсегда разрушило все ее старания смотреть на жизнь жизнерадостно и оптимистично. Грейс подвозила Генри на празднование дня рождения в пентхаус на Парк-авеню, где из окон открывался головокружительный вид на все сторо-

ны света. Оттуда, где она стояла на мозаичном полу лестничной площадки рядом с частным лифтом, за выложенным мрамором сводчатым проходом можно было разглядеть детей, носившихся по огромной гостиной за волшебником в шляпе-котелке. Грейс едва успела передать кому-то из прислуги (секретарю? аниматору?) подарочный набор «Сделай сам», как к ним вышла радостная хозяйка дома.

О ней, матери именинника, Грейс знала не очень много, разве что ее звали Линси и родом она была откуда-то с Юга. Высокая и стройная, с непропорционально большой и подозрительно округлой грудью, всюю использующая расплывчатое местоимение «вы», общаясь с родителями и детьми, когда по утрам привозила сына в школу. (Грейс пришлось признать, что «вы» – очень мило и чрезвычайно полезно, когда не можешь вспомнить чье-то имя. Она была совсем не уверена, что Линси за те три года, что их сыновья проучились в одном классе, запомнила, как ее зовут.) Помимо одноклассника Генри в Рирдене учились старшие дети мужа Линси от первого брака. Он занимал какой-то высокий пост в инвестиционном банке. Надо сказать, Линси всегда вела себя очень мило, и только, но за внешним лоском хороших манер больше, похоже, ничего не скрывалось.

Еще одним фактом, который Грейс удалось узнать о Линси, было то, что она обладала потрясающей коллекцией сумочек «Биркин» от «Гермеса» во всей цветовой гамме из страусиной, крокодильей и простой кожи. Грейс нравились

эти сумочки, и у нее была одна такая, из коричневой шагреновой кожи, подарок от Джонатана на тридцатилетие. (Беднягу Джонатана заставили буквально стоять на ушах в бутике «Гермес» на Мэдисон-авеню, так как по своей очаровательной наивности он вообразил, что можно просто зайти и купить сумочку «Биркин». Восхитительно!) Она с большим трепетом относилась к этой дивной вещице, и сумочка обитала в платяном шкафу на высланной тканью полке со своими вдовствующими тетушками – двумя «Келли» от «Гермеса», унаследованными от матери. В глубине души Грейс очень хотелось посмотреть на сумочки Линси, особенно в коллекции, находящейся где-то в недрах огромных апартаментов (возможно, в отдельном шкафу или даже погребе!), и надеялась, что ее пригласят на экскурсию.

– Здравствуйте! – приветствовала Линси прибывших Генри и Грейс.

Генри без приглашения ринулся в гостиную к ребятам, а Грейс стояла перед хозяйкой, гадая, могут ли они установить более близкий контакт. Через еще один сводчатый проход, очень длинную столовую и открытую дверь она заметила еще нескольких матерей, пивших кофе, рассевшись вокруг «кухонного островка». Вообще-то кофе можно выпить, подумала Грейс, ведь сейчас субботнее утро. Хотя днем она и назначила внеочередной сеанс паре в кризисном состоянии, до того времени никаких дел у нее не было.

– Очень рада, что вам удалось выбраться! – продолжила

хозяйка со своим всегдашним радушием. – Праздник закончится в четыре часа. – Затем она сообщила Грейс, что в случае необходимости один из консьержей с удовольствием вызовет ей такси.

Консьерж с удовольствием вызовет ей такси.

Грейс оцепенело двинулась к двери и оцепенело вошла в лифт, потом долго ехала вниз. В доме, где она выросла и жила по сей день, консьержами работали преимущественно ирландцы, болгары или албанцы, дружелюбные ребята, добровольно отбывавшие вахту в пожарной команде в Куинсе и показывавшие ей фотографии детишек. А еще они придерживали дверь и подносили вещи, если не дать им знать, что это не нужно. И, конечно, они вызывали такси. Разумеется. Ей не надо говорить, что вызывали.

Выйдя тем утром на Парк-авеню, она ощутила приступ тошноты, словно провинциалка из Канзаса, внезапно попавшая в нереальный мир цветного кино. Именно это здание, где жила Линси, было знаменито тем, что в свое время там во множестве проживали дельцы эпохи дикого капитализма. Адвокат, партнер ее отца, долгие годы там жил, и Грейс много раз бывала на новогодних празднествах в зале несколькими этажами ниже Линси, в нарядном платье, тщательно выбранном матерью, лакированных кожаных туфельках от «Тру Тред» и с маленькой сумочкой. Вестибюль с тех пор, разумеется, много раз отделявали заново – наверное, часто – и Грейс поняла, что больше не может припомнить особен-

ную пышность «Века джаза», которую она всегда ассоциировала с этим зданием. Сегодня здесь царили гранит, мрамор, глянец и высокие технологии с привратниками в униформе и охранниками, заметными лишь настолько, чтобы знать, что они здесь. И из этого холодного воплощения отвратительного богатства она вышла на улицу. Стояла весна, и цветы, растущие на клумбах разделительных полос Парк-авеню, распускались на дорогущей земле, ярко-розовые и ярко-желтые, соперничавшие с неярким солнечным светом. Сколько лет и она любовалась цветами на разделительных Парк-авеню? Сколько лет рождественских елок, статуй Фернандо Ботеро и стальных скульптур Луизы Невельсон на Девяносто второй улице, олицетворяющей собой Манхэттен? Она даже помнила стародавний праздничный крест, образованный зажженными в рождественскую ночь огнями офисов, из тех времен, когда здание «Метлайф» принадлежало авиакомпании «Пан-Ам», когда изображение креста, освещавшего южную часть Парк-авеню, не вызывало никаких эмоций, не говоря уже о возмущении – вот в какие времена она могла припомнить этот проспект.

Консьерж с удовольствием вызовет ей такси.

«Не мой это город, – подумала она тогда, повернув на север вдоль проспекта. – Когда-то был моим, а больше не мой». Она никогда, за исключением учебы в колледже, нигде больше не жила, и никогда на самом деле и не думала куда-то переехать. Но опять же – Нью-Йорк не придавал особого зна-

чения тем, кто всю жизнь тут прожил. Забавный в этом отношении город: он принимал тебя сразу, как только ты выходил из автобуса, самолета или на чем ты там добрался. Никакого долгого вынужденного испытательного срока, в течение которого тебя могут считать иностранцем, уроженцем Великих равнин или Новой Англии, пока у тебя, наконец, не появятся праправнуки, которые унаследуют привилегии коренного жителя. Здесь ты становился своим по приезду или как только начинал выглядеть так, будто тебе есть, куда ехать, и нужно поскорее туда добраться. Нью-Йорку не было дела до твоего акцента или до того, приехал ли кто-то с отцами-поселенцами. Вполне достаточно, что ты решил приехать сюда, хотя мог бы отправиться куда-то еще (впрочем, почему кому-то захотелось бы податься куда-то еще, само по себе являлось загадкой). Грейс, родившаяся на Семьдесят седьмой улице и выросшая на Восемьдесят первой, сейчас жившая в квартире, где провела детство, определившая сына в школу, где сама училась, ходившая в ту же химчистку, что и ее мать, ужинавшая в тех же ресторанах, что нравились ее родителям, покупавшая сыну обувь в «Тру Тред», том самом магазине, куда ее водили маленькой девочкой (где Генри мог сидеть на том самом стульчике, где сидела Грейс, и ножку ему мерили той же линейкой, что и его матери), была жительницей Нью-Йорка. Джонатан вырос на Лонг-Айленде, но тоже превратился в ньюйоркца в ту самую минуту, когда повернул ключ в двери их первой безликой нью-йоркской кварти-

ры в башне белого кирпича на Восточной шестьдесят пятой улице рядом с Мемориалом. И Линси, недавно прибывшая под ручку с новым мужем и проведенная напрямиком в шикарные апартаменты в легендарном доме, – жизнь на Манхэттене ей преподнесли в своеобразном подарочном наборе «Большое яблоко» (этот магазин, эта школа, этот косметолог, это агентство недвижимости), – чьих подружек так же привезли, взяли замуж и «упаковали», воспринимавшая город не как историю, которая началась задолго до ее появления и продолжится (хочется надеяться) долго-долго и после ее ухода, а как место, где ей довелось жить вместо, скажем, Атланты, округа Ориндж или милого пригорода Чикаго, – она тоже была жительницей Нью-Йорка. Господи боже!

Салли, конечно же, была права в том, что Генри не нужно отвозить на занятия музыкой, не говоря уже о том, чтобы забирать его оттуда. Нью-йоркские дети обычно свободно передвигались по городу с десяти лет, и многим другим двенадцатилетним мальчишкам не понравится видеть мамаш в мраморном вестибюле школы Рирден в три пятнадцать дня. Однако Генри по-прежнему выискивал ее своими с опущенными длинными ресницами глазами, когда спускался из класса, по-прежнему выказывал едва заметное облегчение, что она здесь, что она все-таки за ним приехала. Для нее это было лучшей минутой.

И вот он пришел, неся скрипку в рюкзачке, при виде его Грейс всегда замирала (такой дорогой инструмент, с ним так

небрежно обращаются и т. д.). Он легко обнял маму, говоря скорее «Пошли отсюда», нежели «Рад тебя видеть», и Грейс вышла за ним на улицу, подавляя привычный порыв застегнуть сыну куртку.

Когда они отошли примерно с квартал от школы, он взял ее за руку. Он не избавился от этой привычки, и она старалась не сжать его руку в ответ. Вместо этого спросила:

– Как день прошел? Как Джона?

Джона Хартман был у Генри бывшим лучшим другом. Как-то раз в прошлом году он холодно заявил, что их долгое партнерство теперь окончено, и в последующие месяцы едва его замечал. Теперь у Джоны появилось двое новых друзей, с которыми он, похоже, не расставался.

Генри пожал плечами.

– Тебе тоже можно заводить новых друзей, – продолжила она.

– Знаю, – ответил Генри. – Ты и раньше мне говорила.

Но ему хотелось дружить с Джоной. Разумеется. Они вместе ходили в детский сад, и в результате стали играть вместе каждое воскресенье. Каждое лето Джона в августе гостил в их доме у озера в Коннектикуте, и там ребята ходили в местный дневной лагерь. Но в прошлом году семья Джоны распалась, отец уехал, а мать перевезла детей в квартиру в Вест-Сайде. По правде сказать, Грейс вовсе не удивлялась тому, что Джона вел себя импульсивно, стараясь управлять тем немногим в жизни, чем, как ему казалось, он мог управ-

лять. Она пыталась обсудить создавшуюся ситуацию с Дженнифер, матерью Джоны, но безуспешно.

Преподаватель, учивший Генри игре на скрипке, жил в неухоженном доме на Морнингсайд-драйв с просторным темным вестибюлем, населенным пожилыми беженцами из Европы и профессорами Колумбийского университета. По идее, возле входа должен был дежурить консьерж, но у него, похоже, постоянно был перерыв, когда бы они ни приехали и какое бы ни стояло время суток. Грейс нажала на кнопку домофона за внешними дверьми и выждала обычные минуты-две, пока мистер Розенбаум неспешно дойдет из комнаты для уроков до телефона на кухне и впустит их. В скрипевшем лифте Генри вытащил из рюкзака скрипку и взял ее, как полагается, за шейку. Похоже, он использовал эти последние минуты, чтобы подготовиться к встрече с придиричивым мистером Розенбаумом, который из года в год частенько напоминал своим ученикам, что другие – подразумевалось, более одаренные – всегда поджидают за кулисами, надеясь заменить любого, оказавшегося менее талантливym, чем предполагалось изначально, или же занимавшегося не столь усердно. Генри знал, потому что Грейс заставила его знать, что ему выделили место в реестре Виталия Розенбаума по причине его способностей и перспективности, и как ни странно, с течением лет это, похоже, обретало для Генри все большее значение. Грейс понимала, что сын не хотел лишаться места в расписании учителя. И не хотел, чтобы за него принимали

решения.

– Добрый день. – Учитель музыки ждал их на пороге, за его спиной тянулся плохо освещенный коридор. Из кухни доносился сильный запах капусты, являвшейся частью очень ограниченного репертуара местечковой кухни Малки Розенбаум.

– День добрый, – отозвалась Грейс.

– Здравствуйте, – поздоровался Генри.

– Занимаешься? – тотчас спросил Виталий Розенбаум.

Генри кивнул.

– Но сегодня утром я писал контрольную по математике, к которой надо было готовиться. Так что вчера вечером – нет.

– Жизнь все время устраивает нам контрольные, – вполне предсказуемо проворчал учитель. – Нельзя прерывать занятия ради математики. Музыка полезна для математики.

Генри снова кивнул. На протяжении нескольких лет ему говорили, что музыка полезна также для истории, литературы, физического здоровья, душевного здоровья и, разумеется, для математики. А еще он знал, что надо учиться.

Грейс не пошла с ними в комнату для занятий. Она усе-
лась на свое обычное место в коридоре, взяв низкий, резной
деревянный стул из стародавних времен, когда комфорт в
мебели ценился не очень высоко, и вынула мобильник, что-
бы просмотреть сообщения. Их было два. Одно от Джонатана:
он писал, что к нему в больницу поступили два пациен-
та и что домой придет поздно. Второе – от одного из ее па-

циентов, чтобы отменить завтрашний сеанс без всяких объяснений или намеков на перенос. Грейс нахмурилась. Она раздумывала, стоит ли переживать по поводу этой женщины, муж которой на предыдущем сеансе признался, что его так называемые студенческие эксперименты с мужчинами не закончились в студенческие времена, а на самом деле продолжались и, по мнению Грейс, экспериментами вовсе не являлись. Пара восемь лет состояла в браке и воспитывала двух пятилетних дочерей-двойняшек. Через пару минут Грейс разыскала номер этой женщины и отписала, чтобы та ей перезвонила.

Коридор наполнился музыкой: соната для скрипки Баха номер один соль минор, часть третья «Сицилиано». Какое-то время она слушала, пока голос мистера Розенбаума не прервал игру сына и ее легкую дремоту, затем вернулась к расписанию сеансов и вычеркнула оттуда отмененный. Грейс примерно восемь месяцев работала с этой парой, и ее начальная неясная настороженность по поводу мужа быстро обрела форму в виде его сексуальной ориентации. Она решила не спрашивать его об этом напрямую, дав им обоим немного времени, чтобы увидеть, не всплывет ли эта тема сама собой. Так оно и случилось. Затем последовали долгие недели разговоров по кругу о его отстраненности, недостатке внимания и нечуткости, из-за чего его жена с грустным и вялым видом сидела на бежевой кушетке. Потом она вдруг вспомнила о каком-то моменте на их первом или вто-

ром свидании, когда он обмолвился об отношениях с кем-то из своего «братства».

«Ну, я в том смысле, – сказал он тогда, – что я тебе об этом говорил. Не знаю, зачем ты сейчас об этом вспомнила. Мне всегда было интересно».

Дзинь. Словно колокольчик прозвенел в кабинете.

«Но это было с одним человеком. *Серьезно* – с одним. С остальными...»

Дзинь.

«Ой, не надо», – думала Грейс, машинально рисуя круглую морскую раковину вокруг вычеркнутого сеанса. И вот сейчас снова, сидя на очень неудобном стуле в пропахшем капустой коридоре квартиры мистера Розенбаума на Морнингсайд – Хайтс, она ощутила прилив жуткого раздражения, которое охватило ее тогда, в кабинете. Столь знакомого раздражения.

Ему она могла бы сказать: «Что можно и что нельзя делать, если вы гей? Можно быть геем. Нельзя лгать о том, что вы гей. Нельзя делать вид, что вы не гей. Нельзя жениться на женщине и иметь с ней детей, такое допустимо только тогда, если она совершенно точно знает, что вы гей, и это ее собственное решение».

А ей вот что: «Когда мужчина говорит вам, что он гей, не выходите за него замуж. Бестолково, не совсем правдиво и совершенно безответственно, но он же вам сказал. Так что не говорите, что вы не знали. Ведь знали же!»

Грейс закрыла глаза. Вот уже восемь лет она приходит в эту квартиру, и каждый раз, когда поворачивает за угол со Сто четырнадцатой улицы, вспоминает свою пожилую научную руководительницу времен учебы в магистратуре, которая жила на Морнингсайд-драйв, только в двух кварталах севернее. Доктор Эмили Роуз – мама Роза, как все ее называли, поскольку ей самой нравилось такое обращение, – была психоаналитиком из былых времен. Из эпохи долгих объятий, когда приходишь, и еще более долгих, когда уходишь. Рукопожатий (в буквальном смысле держаний за руки) и прочих проявлений двигательной активности человека, о которых она написала свою научную работу по «трансличной психологии». Мама Роза встречалась со студентами в том же кабинете, где принимала пациентов, светлой комнате с видом на Морнингсайд-парк, заставленной горшками с паучником, с абстрактными картинами без рам на стенах и огромными подушками из ковровой ткани на полу, где все были должны сидеть, скрестив ноги. Каждое занятие, консультация и, несомненно, терапевтический сеанс начинались с этих душесципательных (по крайней мере, так казалось Грейс) объятий. Такое жуткое вторжение в личное пространство. Грейс долгое время хотела найти другого научного куратора, но в итоге осталась по самой худшей из причин. Насколько она знала, мама Роза никогда и никому не ставила оценки ниже «отлично».

Приглушенные шаги в другом конце квартиры. Это Мал-

ка Розенбаум, которую редко видели и которая обычно молчала, когда появлялась. Ее мужу первому удалось перебраться сюда после войны, но она угодила за «железным занавесом» в бюрократические сети и застряла там на несколько лет. Грейс полагала, что супруги упустили возможность завести детей, но по какой-то причине сочувствовала им куда меньше, чем многим своим клиентам, которые раньше или теперь боролись с бесплодием. Виталий умел и обожал играть на скрипке, хотя учеников не очень-то жаловал, но личностью он был безрадостной, а Малка и вовсе не была личностью. Не их в этом вина. Их многого лишили, они пережили боль и унижения, видели массу ужасов, и если после всего этого кто-то и может воспринимать мир как неиссякаемый источник добра и радости, то большинство людей – нет. Розенбаумы явно относились к последним. Представив их в заботах о младенце, о начинающем ходить ребенке, о любимой крошке, Грейс ощутила давящую боль, словно медленно гас свет.

Следующая ученица Виталия, худенькая девушка-корейка в балахоне с эмблемой колледжа «Барнард» и с длинными волосами, стянутыми розовой резинкой, появилась за несколько минут до окончания занятия Генри и проскользнула мимо стула Грейс, стараясь не смотреть ей в глаза. Прислонившись к стене в узком коридоре, девушка мрачно просматривала ноты, а когда Генри закончил, им всем пришлось неуклюже топтаться вокруг друг друга. Грейс и Генри вышли

на площадку, чтобы надеть куртки.

– Все нормально? – спросила Грейс.

– Порядок.

На Бродвее они взяли такси, проехали на юг и направились через парк в сторону Ист-Сайда.

– Я слышала дивную игру, – начала Грейс главным образом ради того, чтобы вызвать сына на разговор.

Генри пожал плечами, под свитером задвигались выступающие косточки.

– А вот мистер Розенбаум так не считает.

– Вот как? – удивилась Грейс.

Еще одно пожатие плечами. Один из пациентов Грейс как-то пошутил, что пожатие плечами – самый точный барометр переходного возраста. Больше одного пожатия в час – сигнал о его наступлении. Больше двух – уже разгар. Когда выговариваются слова, если вообще произносятся, – парень из него уже выходит.

– По-моему, ему кажется, что я впустую трачу его время. Он просто сидит с закрытыми глазами. Не то чтобы он говорит, что у меня все нелады...

– Неладно, – тихо поправила его Грейс. Не смогла сдержаться.

– Неладно. Но раньше он больше хорошего говорил. Думаешь, он хочет, чтобы я бросил музыку?

Грейс ощутила, как на нее накатывает отчаяние, словно по жилам струится контрастное вещество для рентгена, которое

потом вырывается из сердца. Она ждала, пока эта волна уляжется. Виталий Розенбаум, человек почтенного возраста и не обладающий отменным здоровьем, вполне мог при желании избавиться от учеников, неспособных достойно выступить на концертном или даже консерваторском уровне, но ей он пока ничего не говорил.

– Нет, конечно, нет, – ответила она, стараясь, чтобы голос звучал бодро. – Дорогой мой, ты играешь не для мистера Розенбаума. Ты обязан ему уважением и упорными занятиями, но твои отношения с музыкой – глубоко личное дело.

Но, произнося эти слова, она все же подумала о многолетних занятиях, о дивной игре сына, о гордости, которую испытывали они с Джонатаном, и да, о деньгах. Господи, столько денег. Ему нельзя бросать. Разве он не любит музыку? Разве не любит играть на скрипке? Она вдруг поняла, что не вполне отдавала и не хотела отдавать себе в этом отчет.

Генри – теперь уже ожидаемо – снова пожал плечами.

– Папа сказал, что я могу бросить, если захочу.

Потрясенная, Грейс смотрела прямо перед собой на немой экран телевизора, где демонстрировался ресторанный рейтинг: «Часы», «Дом Каза», «Амбар».

– Вот как? – только и сумела выговорить она.

– Прошлым летом. Мы уехали на озеро, а я не взял с собой скрипку. Помнишь?

Грейс вспомнила. Тогда она очень разозлилась. Три недели в доме в Коннектикуте обернулись тремя неделями без-

делья.

– Он меня спросил, по-прежнему ли мне это нравится, а я ответил, что не уверен. Тогда папа сказал, что жизнь слишком коротка, чтобы тратить так много времени на то, что не нравится. И еще, что моя главная ответственность – перед самим собой и что многие люди проживают жизнь, так этого и не усвоив.

У Грейс голова пошла кругом. «Моя главная ответственность – перед самим собой?» Что это значило? Конечно же, он так не думал. Никто из работавших так, как ее муж, не мог думать подобным образом. Джонатан посвящал всего себя своим больным и их родным. Отвечал на звонки в любое время суток, вскакивал с постели, чтобы мчаться в больницу, вставал на страшную «вахту смерти» и лихорадочно искал какое-то упущенное решение, чтобы спасти ребенка, словно адвокат рядом с камерой смертников в день казни. Он был прямой противоположностью гедонисту. Отказывался от большинства удовольствий и от всех излишеств. Его жизнь и ее жизнь сделались служением безумно несчастным людям, тщательно уравновешенным драгоценным счастьем и радостями семейной любви и скромными удовольствиями от комфорта. «Моя главная ответственность – перед самим собой?» Генри, наверное, неправильно его понял. Грейс словно вышвырнули из такси, и она не знала, что же ее одолевало больше всего: то ли необходимость как можно быстрее переменить подобное представление, то ли чувство соб-

ственной вины, то ли внезапная, всепоглощающая обида на Джонатана, то ли чужеродность всего происходящего. Что на него нашло, если он начал говорить подобное?

– А ты хочешь бросить? – спросила она, изо всех сил выдерживая ровный тон.

Генри снова пожал плечами, но уже мягче и медленнее, будто устало.

– Вот что я тебе скажу, – произнесла она, когда такси свернуло на юг по Пятой авеню. – Давай вернемся к этому разговору через несколько месяцев. Это очень важное решение, и ты должен окончательно быть в нем уверен. Может, нам стоит придумать что-то еще, например, взять другого учителя. Или же, возможно, тебе захочется попробовать играть на другом инструменте.

Однако даже это выбило ее из колеи. Язвительный и деспотичный, но очень востребованный Виталий Розенбаум не был заурядным преподавателем игры на скрипке. Каждый год в августе он проводил конкурс среди многих десятков мальчишек и девчонок из семей, достаточно осведомленных, чтобы его найти, и лишь немногим позволял стать его учениками. Он взял Генри четырехлетним ребенком с выпадающими молочными зубами, большими для его возраста руками и абсолютным слухом, доставшимся ему от какой-то неведомой родни, но уж точно не от родителей. Что же до других инструментов, то Грейс втайне недолюбливала их. Да, в их квартире стояло пианино как напоминание о ее

«недобровольных» занятиях музыкой в детстве, но ей никогда не нравилась фортепьянная музыка, и она давно бы избавилась от этого инструмента, если бы две попытки отдать его в дар не потерпели фиаско. (Поразительно, но никому не было нужно расстроенное пианино примерно 1965 года неизвестной марки, а его вывоз стоил сумасшедших денег.) Ей не нравилась духовая музыка, флейта, гобой и прочие деревянные духовые, а также большинство других струнных инструментов. Грейс нравились скрипка и скрипачи, которые всегда казались ей целеустремленными и невозмутимыми. И умными. В Рирдене с ней училась одноклассница, которая почти каждый день исчезала пораньше, пропуская физкультуру и факультативные клубные занятия, явно не обескураженная недостатком общения в стенах школы. От нее исходило спокойствие и уверенность, которые импонировали Грейс. Потом как-то раз, когда Грейс было около десяти лет, мама привезла ее в зал для музыкальных вечеров по соседству с Карнеги-холлом. Там они с одноклассниками и их матерями в течение часа слушали выступление этой девочки – концерт, состоявший из поразительно сложной музыки, – в сопровождении очень пожилого, очень лысого и очень толстого пианиста. Дети в большинстве своем беспокойно ерзали в креслах, но их матери, особенно мама Грейс, пребывали в полном восторге. После выступления она подошла поговорить к маме скрипачки, величественной женщине в классическом платье от «Шанель», а Грейс осталась си-

дочь, слишком смущенная для того, чтобы поздравить свою одноклассницу. Девочка та ушла из школы после седьмого класса, чтобы получить домашнее образование и еще сильнее приналечь к занятиям музыкой, и Грейс потеряла с ней контакт. Но когда пришло время, ей захотелось, чтобы ее ребенок играл на скрипке.

– Как скажешь, – услышала она голос сына. Или решила, что услышала.

Глава четвертая

Губительная доброта

Жертвуя собой ради общего дела, Грейс наконец очутилась в роскошных апартаментах Спенсеров в тот вечер, когда проводился сбор денег для школы Рирден. Она отмечала прибывших гостей и выдавала им брошюры для участия в аукционе, расположившись за небольшим столом перед частным лифтом. Она немного удивилась, осознав, как мало родителей знает по именам. Лица некоторых матерей были ей знакомы, большей частью они встречались в школе днем, когда забирали детей домой после занятий.

Проходя мимо Грейс и цокая каблучками по мраморному полу, те тоже бросали на нее беглые взгляды, скорее всего, тоже пытаясь припомнить ее имя. А может, задумываясь над тем, была ли она мамой одного из учеников или просто профессиональным администратором, нанятым специально для работы на этом мероприятии. Затем, боясь ошибиться или просто из осторожности, они приветствовали ее ничем не обязывающими фразами вроде: «Привет! Рада видеть!» Мужчины оказались ей совершенно незнакомыми. С кем-то из них она когда-то училась вместе, много лет назад, но их лица сейчас как будто закрывала ширма лет и благосостояния. Большинство из них она и не видела никогда в жизни, может быть, пару раз на родительских собраниях. Отцы, как

правило, и не переступали школьный порог после собеседований при приеме на учебу их детей (но вот на это время у них, разумеется, всегда находилось). Грейс была уверена, что они пришли на школьное мероприятие в субботу вечером только под сильным давлением своих домочадцев.

– У нас будет удивительный аукцион, – сообщила Грейс одной из женщин. У той были такие распухшие губы, что Грейс не удивилась бы, узнав, что скромно выглядевший и чуть смущенный мужчина рядом с ней недавно ударил ее по лицу.

– Вид отсюда открывается просто невероятный, – поделилась она впечатлениями с одной из мамочек, чей ребенок ходил в один класс с Генри и которая так и рвалась побыстрее пройти наверх. – И не пропустите картины Поллока в обеденном зале.

К половине восьмого поток гостей схлынул, и Грейс осталась одна в огромном мраморном вестибюле. Она барабанила пальцем по столику, который здесь разместили специально для нее, и думала о том, сколько еще времени придется здесь сидеть.

Участие в комитете, организующем сбор денег, было единственным волонтерским занятием Грейс в школе Рирден, и этого ей оказалось вполне достаточно. Правда, она первая осознала, насколько безумным стало само это мероприятие. Раньше, не так уж и давно, такие вечера отличались особым милым очарованием с нарочито вычурными деко-

рациями и меню в стиле ретрогламура. Оно включало сыр, фондю и сосиски в бисквитном тесте, которые запивались очень крепкой смесью напитков урожая прошлого года. В целом получалась веселая, не слишком серьезная вечеринка, и аукцион превращался в сплошное развлечение, а подвыпившие гости азартно торговались за серию занятий с персональным тренером. Все прекрасно проводили время, а в результате в кассе оказывалось двадцать, а то и тридцать тысяч. Вся выручка шла в школьный фонд, поскольку не у всех детей были обеспеченные родители. И тогда такие ученики, как, например, Мигель Альвес, могли продолжать учебу, отчего школа только выигрывала и становилась более интересной по составу учащихся. А вот это было уже совсем неплохо, напомнила себе Грейс. И достойно похвалы.

А в своем сегодняшнем виде сбор денег для школьного фонда, который ей (а она была тем еще снобом) казался безвкусным, являл собой лишь улучшенную версию того же самого достойного похвалы мероприятия. Только заработать они могли больше денег (много, много больше!) для дела, заслуживающего восхищения. И это должно бы ее порадовать. Но только она ничего подобного сейчас не ощущала.

Грейс продолжала сидеть в вестибюле за своим столом. Одной рукой она передвигала оставшиеся карточки с именами гостей по столешнице, как игрок, пытающийся запутать того, кто должен был отгадывать масти. Другой рукой трогала левую мочку уха, которая болела чуть сильнее, чем пра-

вая, что тоже ее расстраивало. Она надела серьги с крупными бриллиантами, вернее, клипсы, которые когда-то принадлежали ее матери (у которой, как и у самой Грейс, уши не были проколоты). Грейс решила, что именно такие камни будут более чем уместны, в таком умопомрачительном доме, где лужайка соседствует с Центральным парком. Остальные элементы наряда были подобраны в соответствии с клипсами. Шелковая блузка черного цвета (излюбленный у Грейс, так же, как у многих ее манхэттенских сестер), туфли на очень высоких каблуках (в которых она становилась одного роста с Джонатаном) и ярко-розовые брюки из плотной шелковой ткани. Она приобрела их осенью год назад, и эта покупка удивила многих, но больше всех ее саму. Этот костюм как нельзя больше соответствовал тому, что ей предстояло испытать сегодня, а именно – благоговейно рассматривать произведения Джексона Поллока или объяснять какому-нибудь промышленному магнату, что она психоаналитик и занимается частной практикой.

Клипсы являлись частью коллекции в каком-то смысле показных драгоценностей, которые одну за другой год за годом дарил Марджори Рейнхарт отец Грейс, Фредерик. Все эти вещи Грейс до сих пор хранила в зеркальном трюмо своей матери в спальне, тоже когда-то принадлежавшей ее родителям, а теперь им с Джонатаном.

Среди множества других вещей в коллекцию входила брошь-заколка с каким-то розовым камнем в золотых ладо-

нях на куске золота неопределенной формы. Тут было массивное нефритовое кольцо, которое ее отец отыскал неизвестно где, браслет «под леопарда» из желтых и черных бриллиантов, сапфировое ожерелье и ожерелье из массивных золотых звеньев. Все эти украшения объединяло одно – их вполне очевидная... как бы получше выразиться? – вульгарность. Уж больно крупными они были, крупнее, чем хотелось бы. И звенья цепочек, и драгоценные камни. Одним словом, все они как бы недвусмысленно своим видом кричали: «Посмотри на меня». И то, что отец выбирал именно такие вещи для утонченной во всем матери, казалось Грейс в чем-то даже довольно милым. Отец ровным счетом ничего не смыслил в украшениях, а потому, заходя в ювелирный магазин, чтобы купить жене подарок, сразу становился легкой добычей продавца, убеждающего его в том, что «чем больше, тем лучше». Такими подарками человек как бы хочет сказать: «Я люблю тебя», – а одаряемая, понимая все, отвечает ему: «Я знаю».

Тук-тук-тук... Грейс продолжала постукивать ноготком по столешнице. По случаю сегодняшнего мероприятия она сделала маникюр. Не в силах больше терпеть, Грейс сняла клипсы и положила их в свою вечернюю сумочку. Потом с облегчением потерла мочки ушей и внимательно осмотрела пустой вестибюль, словно это могло каким-то образом ускорить события. Прошло двадцать минут, но ни один гость больше не появлялся. На столе оставались только пять несчастных невостребованных карточек с именами пригла-

шенных. Не явились только Джонатан и еще две супружеские пары, которых Грейс не знала.

Все остальные уже находились наверху, включая членов комитета, директора школы и большую группу гостей, с которыми он приехал с предшествующей аукциону вечеринки «Коктейль с директором школы». (Это мероприятие проходило в том самом доме, где Линси, любительница дорожных дизайнерских сумочек «Биркин», сказала Грейс, что консьерж вызовет ей такси.)

Грейс даже видела, как мимо ее стола прошла Малага Альвес, правда, не останавливаясь. Впрочем, это было даже лучше, потому что именную бирку для нее не подготовили.

Грейс не удивлялась и не расстраивалась из-за того, что Джонатан до сих пор не появился. Два дня назад умер его восьмилетний пациент. Это было ужасно и очень тяжело, и такие события с годами практики не становились ничуть легче. Родители больного были ортодоксальными евреями, поэтому похороны устроили очень быстро, почти сразу, и Джонатан на них присутствовал. А сегодня днем он опять отправился в Бруклин, чтобы нанести визит родителям умершего в знак памяти об усопшем. И там он пробудет столько, сколько потребуется, а потом приедет сюда. Вот и все.

Грейс не знала имени этого ребенка. Она даже не могла сказать, мальчик это был или девочка. Когда муж рассказал ей о своем пациенте, Грейс с благодарностью подумала о барьере, воздвигнутом между жизнью Джонатана в семье и

жизнью в больнице, который они оба сохранили или старались сохранить. Именно благодаря этому шаткому барьеру умерший ребенок был всего лишь пациентом, правда, восьмилетним, и одно это уже было плохо. Но насколько же хуже все могло стать, если бы она знала о нем больше...

– Мне так жаль его, – сочувственно произнесла Грейс, когда Джонатан сообщил ей о своем визите к родителям пациента, из-за чего, по всей вероятности, ему придется опоздать.

И тогда Джонатан ответил:

– Мне тоже. Ненавижу рак.

В тот момент она почти улыбнулась. Он произносил эти слова очень часто, из года в год, словно выражал свое мнение по поводу какого-то пустяка, как будто между прочим. Впервые эти слова она услышала от него в Бостоне много лет назад, в его комнате в медицинской школе. Хотя тогда они прозвучали как боевой клич.

Джонатан Сакс, который вскоре должен был стать интерном, а потом педиатром-онкологом, специализирующимся на раковых опухолях, ненавидел рак. Поэтому, рак, берегись! Дни рака сочтены! Рак предупрежден, и наказание неминуемо!

Сегодня от былой бравады не осталось и следа. Но он ненавидел рак даже больше, чем тогда, когда был еще студентом, и эта ненависть росла с каждым потерянным пациентом, день ото дня все больше и сильнее. Но раку было ровным счетом наплевать на его чувства.

Грейс не хотелось напоминать мужу о мероприятии по сбору денег для школы. Не хотелось отвлекать его от боли за ребенка и от страха его родителей. Но она должна была это сделать. Все же это сбор денег. И школа. И Спенсеры. Три квартиры, объединенные в одну в роскошном городском доме, о котором она рассказала мужу несколько недель назад. Джонатан помнил все, но ему приходилось столько держать в голове, что порой не так-то просто было достучаться до его разума. Как будто заказываешь внимание заранее, как книгу в городской библиотеке. Это зачастую требовало определенного времени.

– Грейс, – сказал тогда Джонатан, – надеюсь, тебе не придется тратить на это впустую столько времени. Неужели нельзя поручить сбор денег неработающим женщинам? У тебя есть более важные дела, чем собирать деньги для частной школы.

Но разговор тогда шел именно об участии, как она коротко и резко заявила в ответ. И он сам это понимал. Они были не настолько богаты, чтобы спокойно объяснить свой отказ от участия в данном мероприятии. И это он тоже понимал.

Подобные проблемы, разумеется, возникали и раньше. При долгом браке все уже было раньше и продолжало повторяться, и в близких отношениях проявлялось не только тепло, но и некоторая прохлада. Естественно, они не могли всегда и во всем соглашаться друг с другом.

Он просто... приедет сюда, когда приедет. А если кому-то

захочется узнать, почему его здесь нет, она с радостью их просветит. Да потому что у него слишком много других дел и не хватает времени на болезненное любопытство посторонних, чем же он все-таки зарабатывает на жизнь.

У Джонатана была одна особенность, понять которую, кроме самой Грейс, не сумел никто. Если пробить тонкую оболочку приветливого и любезного джентльмена, можно было сразу же наткнуться на сурового мужчину, закаленного постоянным контактом с человеческими страданиями. Непосредственность Джонатана и спокойное отношение к таким серьезным проблемам, как рак и смерть ребенка, вселили мужество во всех, кто с ним разговаривал. Но если собеседники начинали вникать в подробности этих страшных проблем, вопросы, как правило, звучали почти с обвинительными нотками в адрес Джонатана.

Как вы можете этим заниматься? Как выдерживаете все это, видя, как страдает ребенок? Разве не ужасно, что ребенок, которого вы лечили, все равно умирает? Что же такого должно было произойти в вашей жизни, чтобы вы выбрали именно эту специальность?

Иногда Джонатан честно пытался отвечать на подобные вопросы, но только это не помогало. Несмотря на то, что любопытным было просто интересно узнать о некоторых подробностях его работы, большинство из них никогда не смогли бы даже просто находиться в той обстановке, в которой приходилось работать Джонатану. Как правило, себе-

седник быстро уходил в сторонку, чтобы подыскать себе новую жертву для расспросов, но только с более оптимистической профессией. В течение многих лет Грейс приходилось наблюдать разные варианты этого сценария на званых обедах, в родительские дни в лагерях и на вечеринках, подобных сегодняшней. Каждый раз Грейс переживала подобные моменты. Она хорошо понимала, что и милая мамочка, у которой ребенок учился в одном классе с Генри, и потрясающая пара, снимавшая как-то летом их домик у озера, и ведущий ток-шоу на радио, который жил двумя этажами выше (и считался самой крупной знаменитостью в их доме), вряд ли когда-нибудь станут друзьями их семьи.

Раньше Грейс предполагала, что в их жизни обязательно появятся многочисленные онкологи, такие же скупые на эмоции люди, как и Джонатан. Да-да, онкологи и их жены. Но этого не произошло. Грейс решила, что, видимо, коллеги Джонатана поставили себе скромную цель, уходя с работы домой, оставлять рак в стенах больницы. И, возможно, преуспели в этом больше, чем ее муж. Несколько лет назад Грейс и Джонатан общались со Стю Розенфельдом и его супругой. Стю тоже был онкологом и до сих пор замещал Джонатана на работе, если тому приходилось по каким-то причинам отсутствовать. И это общение было довольно сносным.

Розенфельды были заядлыми театрами. Каким-то образом им за несколько месяцев удавалось узнать, какие билеты будет вскоре невозможно достать. В результате на премьере

они сидели в четвертом ряду рядом с Элани Стритч в первую же субботу после того, как спектакль был расхвален в «Нью-Йорк таймс». Грейс, скорее, больше восхищали способности Трейси Розенфельд, чем она сама. Трейси – кореянка американского происхождения – работала адвокатом и фанатично занималась бегом. И все же было приятно проводить время вместе с другой супружеской парой, наслаждаться городом и тем, что он может предложить вам в выходные дни. Женщины уводили мужей от ненужных разговоров (больничные персонал, больничная политика, больные раком дети) и, по большому счету, притворялись близкими подругами, которыми они в реальной жизни, конечно, никогда не были. Они могли обсуждать и мюзиклы, и серьезные постановки, и то, как и кого и за что раскритиковали в последнем номере журнала «Нью-Йоркер».

Все это было довольно безобидно и могло бы продолжаться до сих пор. Но как-то раз, лет пять назад, Джонатан пришел домой и заявил, что Стю сообщил ему очень интересную вещь. Они собирались поужинать вместе (так, ничего особенного, просто провести вечер в одном из местных ресторанов), но пару раз эти планы срывались. И тут вдруг Стю сказал, что ему очень жаль, но с сегодняшнего дня мужчины будут общаться только в больнице и только по работе. Трейси поддержала мужа и... ну...

– Ну? – переспросила Грейс, чувствуя, как у нее запылали щеки. – И что же?

– Ты с Трейси... не ссорилась случайно? – спросил Джонатан.

Грейс тогда охватило странное чувство вины, которое ощущаешь всякий раз, когда уверен, что не делал ничего плохого. Ну, или почти уверен, потому что нельзя быть в чем-то абсолютно уверенным. Люди стараются скрыть свои слабые места. Поэтому вы порой и не знаете, что случайно задели болезную тему.

И они перестали встречаться с Розенфельдами, разве что только на мероприятиях, связанных с работой в больнице, а таких было очень мало. Иногда они случайно сталкивались в театре и тогда мило болтали ни о чем, обещая друг другу когда-нибудь поужинать вместе. Конечно, никто из них для этого ничего потом и не предпринимал. Впрочем, так вели себя и другие многочисленные супружеские пары, всегда безумно занятые работой, какими бы их действительные намерения при этом ни были.

Джонатан никогда больше не вспоминал о том эпизоде. Он привык к потерям, конечно же, причем даже не к потерям в прямом смысле слова, а к смерти, из-за этой жуткой, изнурительной, мучительной и безжалостной болезни. Были и другие потери, которыми нельзя было пренебречь, тем более что некоторые люди продолжали жить и трудиться где-то рядом, скажем, на Лонг-Айленде. По личному и весьма профессиональному мнению Грейс, на это повлияли отношения с семьей, в которой вырос сам Джонатан. В частности, роди-

тели, которые ни в чем и никогда не поддерживали его, разве что только не применяли физической силы, а также его брат, который так и не понял, что сам потерял оттого, что лишился братской любви. Джонатану не требовался большой круг общения, да у него никогда такого и не было. По крайней мере в то время, когда он уже состоял в отношениях с Грейс. Он создал собственную семью с Грейс и Генри.

Шли годы, и Грейс стала чувствовать то же самое. И тоже научилась отпускать людей. Сначала это было трудно, – самый сложный момент наступил, когда исчезла Вита, – потом все легче и легче, когда одна или две подружки из магистратуры перестали с ней общаться. Пропадали друзья из Киркленд-хаус (сейчас они где только не обосновались, а встречались лишь на свадьбах у общих знакомых). Пропадали и те подружки, которые вообще непонятно откуда взялись, но ей было хорошо в их компании.

Конечно, ни она, ни Джонатан не были затворниками. Оба активно участвовали в жизни города, и дни их были насыщены встречами с разными людьми и всевозможными событиями. И хотя Грейс никогда не считала себя очень мягкой и милой особой, ничего страшного в этом не было. Она заботилась о своих пациентах, и ей было вовсе не безразлично, что эти люди делают и что с ними происходит после того, как они покидают ее кабинет. Она считала это нормой. Ей тоже часто звонили посреди ночи в течение многих лет, и она всегда отвечала на эти звонки и делала то, что должна

была делать. Ей приходилось даже беседовать с потерявшими голову от безысходности людьми в отделениях экстренной медицинской помощи, связываться по телефону с диспетчерами, парамедиками и специалистами приемных отделений разных больниц и реабилитационных центров по всей стране.

Однако ее стандартная настройка была на режиме «выкл», а не «вкл». Так что если не приходилось волноваться за перевозбужденное состояние или депрессию пациентов, или задумываться о том, станут ли они ходить к ней каждый день, как обещали, в остальном она ни о чем не тревожилась.

А вот Джонатан был совсем другой породы. Он обладал прямо-таки губительной добротой, этот исключительно бескорыстный человек, абсолютно лишенный эгоизма. Он мог успокоить и умирающего ребенка, и почти потерявших надежду родителей, найти для них нужные слова. Иногда одно только его прикосновение возвращало и укрепляло эту надежду, которой, казалось, уже не было места в их душах. И делал он это умело и обязательно с исключительной добротой.

Бывали времена, когда печаль о тех, кого он оставил в палатах, а иногда и в морге, так прихватывала его, что он не мог даже говорить по возвращении домой. Тогда он шел в свой кабинет в самой дальней части квартиры – в комнату, которая должна была принадлежать, как они надеялись, их второму ребенку, – и оставался там, вне семьи, пока не вы-

ходил из этого ужасного состояния.

Как-то раз, в ту самую осень, когда они познакомились, Грейс приехала к нему в больницу (Джонатан уже был интерном) и увидела, как он обнимает пожилую женщину, сотрясаемую горестными рыданиями. Сын этой женщины, мужчина средних лет с синдромом Дауна, умирал в этой больнице от врожденного порока сердца. Эта смерть была ожидаема с самого момента его рождения, но женщина все равно безутешно рыдала. Грейс приехала за несколько минут до того, как должно было закончиться тридцатишестичасовое дежурство Джонатана. Но теперь, стоя в конце коридора и наблюдая эту сцену, она испытывала чувство стыда, будто само ее присутствие пачкало эти чистейшие человеческие отношения.

В то время она сама уже училась на последнем курсе и считалась образцовой студенткой, достойный врач-практик в ближайшем будущем, специалист по психотерапии. И все же, и все же... то, что она увидела в конце длинного больничного коридора, подействовало как сокрушительный звуковой удар. Сила и мощь происходящего... никто не предупредил ее о чем-то подобном, когда на семинарах она изучала фрейдовскую Дору из «Фрагмента анализа истерии». Не говорили ей об этом и на замечательном курсе по патопсихологии на первом году обучения. Чего только они там не проходили – были и шестеренки, и зубчатые колесики, и мышки в лабиринте, всевозможные теории, испытания лекарств

и самые разные методы терапии: примитивные формы, антипатия, искусство и музыка, и долгие нудные беседы. Но вот это... Происходящее стало для нее невыносимым, хотя ее это совсем даже не касалось.

Истина заключалась в том, что Джонатан находил страдальцев повсюду. Или, если быть более точным, страдальцы сами находили его, как будто просто прятались или дремали в ожидании подходящей души, чтобы прицепиться к ней. Он подбирал грусть и печаль совершенно незнакомых людей и выслушивал исповеди провинившихся. Таксисты раскрывали ему все свои тайные переживания. Оказавшись на первом этаже их дома, он не мог пройти мимо консьержа, не выслушав его неутешительные новости о парализованном племяннике или родителе, постепенно впадающем в слабоумие. Он не мог спокойно поесть в их любимом итальянском ресторанчике, не расспросив хозяина, как переносит новое лекарство его дочь, страдающая фиброзно-кистозной болезнью. Такие беседы обычно заканчивались полным унынием, не меньше. Когда они оставались только втроем, Джонатан был бодрым и жизнерадостным, и это была одна из причин, по которой Грейс охраняла семью от постороннего вмешательства, причем достаточно успешно. И все же эти посторонние люди, казалось, не могли отказать себе в возможности воспользоваться его добротой и участием.

Видимо, в конце концов все это привело к тому, что, несмотря на все профессиональные страдания, Джонатан,

казалось, в отличие от остальных перестал бояться боли. Наоборот, с ходу ввинчивался в ее водоворот, уверенный в том, что не отступит, пока не разгромит противника. Похоже, ему всегда это удавалось – победить с первого же легкого удара. За это Грейс любила мужа, восхищалась им, хотя и полагала, что такое положение дел истощает и ее силы. А иногда ситуация начинала ее беспокоить. Видимо, все же рак должен был когда-нибудь одолеть его. Боль и переживания, которые испытывали пациенты Джонатана во время борьбы с болезнью, и нескончаемое разноликое проявление печали и горя, сопровождающее этот процесс, – все это никогда, ни на йоту не ослабеет. И от этого ее муж становился таким ранимым и чувствительным. Сколько раз Грейс пыталась все это объяснить Джонатану! Ведь его чрезмерная вежливость, тонувшая в бесцеремонности окружающих людей, могла сильно навредить ему. Вот только он отказывался это понимать. Похоже, Джонатан был лучшего мнения о людях, чем его супруга.

Глава пятая

Доступ к сути вещей

Как только Грейс вышла из лифта и очутилась в заполненном гостями фойе апартаментов Спенсеров, ей стало ясно, что главной темой вечера стало отсутствие здесь самих хозяев. В частности, Салли все еще заметно трясло от столь неожиданных новостей. Мало того что Спенсеры не встречали прибывающих на мероприятие гостей до его начала, теперь еще выяснилось, что они вообще вряд ли появятся. Джонас, как им доложили, находился в Китае, но это было еще не так вопиюще, потому что место пребывания Цуки на данный момент было вообще неизвестно. Возможно, она отдыхала на другом конце города в своих владениях в Хэмптонсе. Она могла находиться даже где-то здесь, в своих необъятных апартаментах. Вот и все, что удалось разузнать членам комитета, но это уже не имело никакого значения. Главное, Цуки не было там, где они предполагали ее увидеть, а именно вместе с такими же родителями в жилище Спенсеров.

Салли была раздражена до предела, и ее состояние можно было назвать почти комичным – настолько усердно, но не очень успешно она пыталась сохранить видимость веселости и благодарности за прием перед обслуживающим персоналом семейства Спенсеров.

Пока Грейс сидела за своим небольшим столом в вестибюле, только один прибывший гость напрямую спросил ее, пришли ли уже сами Спенсеры и находятся ли они наверху.

– Я думаю, он сейчас в Азии, – ответила она с легким налетом неопределенности. Ей показалось, что Салли ожидала бы от нее именно такой реакции. Но теперь стало очевидно, что Салли этого совсем не хотела. Похоже, она решила, что гостей следует немедленно поставить в известность о положении вещей.

Грейс наблюдала за происходящим в фойе с бокалом шампанского в руке, которое с искренней признательностью приняла у принесшей вино Сильвии. Салли оживленно порхала от одной группы гостей к другой, одаря своим вниманием каждого, словно несчастная колибри, в одиночку опыляющая весь сад и оставляющая за собой явный шлейф паники. Грейс и Сильвия угощались шампанским и следили за ее передвижениями.

Чуть раньше они уже пытались успокоить Салли, напомнив ей, что жилище Спенсеров было умопомрачительно огромным и достойным сравнения с музеем по количеству произведений искусства. И даже если это не служило извинением и гости были огорчены, обнаружив, что сам хозяин, титан мирового значения в области СМИ, отсутствует, они по крайней мере могут получить удовольствие, пируя на таком обширном пространстве. А титанам СМИ мирового значения вполне простительно находиться сейчас в более важном

месте, нежели вечеринка по сбору денег для частной школы. Если подумать, то и большинство гостей тоже по вполне уважительным причинам могли бы заниматься более важными делами. А мужчины даже и не заметили бы (не говоря уж о том, что им было все равно), что супруги титана здесь тоже нет. Но с женщинами все обстояло иначе. Именно дамы могли накалить обстановку, узнав о том, что оба супруга улизнули от участия в мероприятии. Но это будет позже, когда закончатся торги и будут выписаны соответствующие чеки. А разве не ради этого все затевалось?

Там, где, собственно, жили Спенсеры, сейчас стоял кордон из их obsługi и секретаря, старшей в этой группе, а также не менее десятка охранников в форме, стерегущих двери комнат приватной зоны в апартаментах и обо всем докладывающих секретарю. (Это, конечно, не считая горничных, официантов и еще двух женщин, судя по всему, родом из стран Карибского бассейна, которые, как успела заметить Грейс, вынесли из кухни подносы с едой и, пройдя через кордон охранников, скрылись на неведомой территории.)

Предполагаемого эффекта избежать было нельзя. Получилось, что все мероприятие проводилось на шикарной, но как бы сданной в аренду территории. Скажем, как роскошный особняк в Ньюпорте или храм Дендур, а не просто дом семьи школьника, распахнувший двери для родителей одноклассников.

Грейс чуть раньше удалось подавить разочарование, и те-

перь она хорошо понимала, на что надеялась Салли, а может, и ждала прямо сейчас – остроумных комментариев о произведениях искусства и вообще обо всем, что они здесь видят. Ох, каких же трудов стоило достать вот именно такое камчатное полотно для штор в гостиной!.. Может быть, даже украдкой заглянуть в знаменитый гардероб (Цуки Спенсер нередко получала титул «Одета лучше всех»). Грейс знала, что Салли (впрочем, как, честно сказать, и она сама) надеялась исследовать огромный и богатый по запасам кухонный буфет, который Цуки (родом с Хоккайдо) набила всевозможными японскими экзотическими припасами. Грейс сама читала в журнале «Ванити фэйр», что дети Спенсеров строго соблюдали специальную диету для тех, кто стремится к долголетию. Еще хотелось увидеть то, что считалось типичной составляющей элитной нью-йоркской недвижимости, а именно огромную комнату-прачечную. Ее снимки опубликовал архитектурный журнал – там три прачки в специальной форме утюжили бесчисленные шелковые простыни наивысшей плотности.

Правда, без хозяев доступ к этой демонстративно охраняемой территории осуществить было невозможно, и когда Салли поняла, что планы придется скорректировать, ей пришлось трудновато.

За час до официального начала вечера по сбору денег для школы Рирден она металась с места на место (в сопровождении двух охранников, которые не оставляли ее одну ни на

секунду), то поправляя стол для аукциона, то проверяя временный бар (возведенный в фойе под парадной лестницей). Сильвия и Грейс тоже неотступно следовали за ней. Видимо, ей хотелось хоть как-то скомпенсировать свое разочарование, и теперь она буквально утопала в безумных фантазиях, воображая себя хозяйкой этого городского поместья. Она, разумеется, оделась вполне подходяще для такой роли в жуткое платье тигровой расцветки от Роберто Кавалли, демонстрирующее достаточную часть большой (но по крайней мере своей, настоящей) груди, и выбрала туфли на таких высоких каблуках, что с трудом удерживала равновесие. Бриллианты в буквальном смысле осыпали ее с ног до головы. Грейс сразу вспомнились наборы для маленьких девочек с пластмассовыми сережками, ожерельем, кольцами и браслетами. Только здесь драгоценности были настоящими и на взрослой женщине.

– Посмотри на Малагу, – неожиданно произнесла Сильвия, и Грейс тут же проследила за ее взглядом. Малага Альвес стояла напротив огромного окна с бокалом красного вина в руке. Вторую руку она неловко держала за спиной. Женщина выглядела смущенной и одинокой. Правда, одиночество ее длилось всего несколько секунд. На глазах у Грейс и Сильвии начала разворачиваться очаровательная сцена.

Сначала к Малаге присоединился один, а затем и второй мужчина в смокинге – это был Натан Фридберг, тот самый, у которого путевки в лагерь стоили по двадцать пять тысяч

долларов. Она взглянула на них и улыбнулась. И Грейс сразу же увидела мгновенно происшедшие изменения. Нет, даже не изменения, а полную метаморфозу. Поначалу она даже не поняла, свидетельницей чему стала. Малага, стоявшая между двумя высокими мужчинами – один красивый, а другой нет, – начала распускаться, как цветок (так, наверное, выразился бы Фицджеральд), становясь захватывающе великолепной.

На ней было простенькое розовое платье, сшитое по фигуре, но не обтягивающее тело недавно рожавшей женщины, длиной чуть выше красивых коленей. На шее золотой крестик и более никаких украшений. Она чуть заметно улыбалась мужчинам, поворачивая голову то к одному, то к другому, демонстрируя при этом чудесный изгиб шеи. Грейс поновому посмотрела на ее гладкую кожу и несомненно естественный контур бюста (вырез платья был достаточным, чтобы подчеркнуть его), а также чуть полноватые, но при этом совсем не тренированные руки. Итак, она выглядела... Грейс постаралась подыскать нужное слово... очень женственной.

В этот момент к Малаге подошел третий мужчина, довольно тучный, и Грейс смутно угадала в нем отца одноклассницы Генри – он работал в банке «Морган Стэнли». Очень, очень богатый господин. Все трое разговаривали то с Малагой Альвес, то друг с другом поверх ее головы, а она только смотрела на них. Она не только просто молчала, но и всем своим видом даже не пыталась реагировать на их высказыва-

ния и соглашаться с услышанным. А эти трое суетились и кидали реплику за репликой, стоя рядом с ней гораздо ближе, чем на расстоянии вытянутой руки. И пока Грейс и Сильвия наблюдали это действие, к группе подошел четвертый мужчина. Он сделал вид, что хочет поприветствовать одного из стоявших там, но почти сразу же переключил внимание на Малагу Альвес.

Что касается человеческих взаимоотношений, тут Грейс, конечно, не была новичком. Но сейчас она наблюдала проявление неконтролируемого притяжения между людьми. Малага Альвес обладала непримечательными чертами лица (к тому же она такая пухленькая! ее щеки были полноваты, так же, как и шея, и руки), но все это, вместе взятое, в целом представляло собой совсем иное создание. Наблюдая за мужчинами, Грейс была озадачена и немного расстроена. Их лицемерие вызывало у нее отвращение. Вполне очевидно, что у каждого из этих четверых были женщины среди обслуги, внешне напоминавшие Малагу Альвес, с такими же невыразительными лицами, гладкой кожей, оплывшей талией, полной грудью и бедрами под традиционно скромной форменной одеждой. Вполне вероятно, им приходилось общаться с женщинами, напоминавшими Малагу Альвес, по несколько раз в день во время работы или в собственных домах.

Женщины, похожие на Малагу Альвес, в этот самый момент могли ухаживать за их детьми или стирать им белье.

Но вели ли себя эти мужчины с теми женщинами так же, как сейчас по отношению вот к этой незнакомке? Конечно, нет, если только хотели сохранить свой брак. Вот о чем рассуждала Грейс.

Великолепный зал был полон холеных женщин, всем известных и даже прославленных красавиц. Все они прошли всевозможный массаж и солярий, были подстрижены и причесаны, одеты в самые модные наряды. И все же вполне очевидный источник притяжения в этой толпе находился возле Малаги Альвес. Эта чистая и мощная сила могла свалить с ног любого титана, одновременно оставаясь незаметной для всех остальных сверкающих драгоценностями присутствующих дам. Грейс пришло в голову, а не напоминает ли все это песнь сирены. Она скользила взглядом от золотистых стен до сияющих окон, понимая, что такое притяжение смогла определить только лишь хромосома игрек.

Грейс передала свой бокал одному из официантов и отправилась помогать Салли. Та то ли сопровождала, то ли уводила всю толпу гостей из фойе в огромную гостиную, чтобы начать аукцион. Сильвия уже пребывала в компании со своим другом, когда-то отстающим по тригонометрии, а сейчас, судя по всему, возглавившим группу, представляющую американскую мебель в «Сотбис». Он был лысый и очень худой и предусмотрительно надел шелковый сине-зеленый галстук-бабочку (цвета Рирдена). Сильвия провела его за кафедру, установленную в углу зала.

– Всем привет! – пронзительным голосом произнесла Салли в микрофон и принялась стучать по нему длинным ногтем, пока все присутствующие не прекратили разговоры и не начали закрывать уши ладонями. – Все хорошо? – спросила она.

Толпа одобрительно загудела, давая ей понять, что у них все просто отлично.

– Привет! – повторила Салли. – Прежде чем начать, я хотела бы попросить вас поаплодировать нашим хозяевам, Джонасу и Цуки Спенсер. За их благородное и чудесное предложение, – совершенно неискренне добавила она. – Мы все так благодарны им!

Родители школьников зааплодировали, и Грейс присоединилась к ним.

– Я также хочу поблагодарить наш комитет, усердно работавший все это время, – продолжила Салли. – Они убедили вас прийти сюда, позаботились о достойном угощении, а также подготовили много такого, на что вы смогли бы потратить свои деньги. Аманда Эмери, где ты? Аманда?

– Привет! – проворковала Аманда где-то среди толпы и помахала сверкающей манжетой над белокурой головой.

– Сильвия Стайнмец? Грейс Сакс?

Грейс подняла руку, подавляя невольное раздражение.

Никогда она не была «Грейс Сакс». Не то чтобы ей не нравилась эта фамилия или мнимые ассоциации с «Нашей толпой» (линия Джонатана, между прочим, не имела ничего об-

щего с Уорбургами, Лоэбами и Шиффами. Его предки были родом из штетла – еврейского местечка в Восточной Польше, – а потом очутились в Бостоне). И все же это была не ее фамилия. Она всегда была Райнхарт. Райнхарт на работе. Райнхарт на обложке книги, которая вот-вот увидит свет. И Райнхарт во всех документах, относящихся к Рирдену, в том числе и аукционных. Как ни странно, единственным человеком, называвшим ее Грейс Сакс, был ее родной отец.

– А я Салли Моррисон-Голден, – заявила Салли и выдержала паузу, чтобы ее смогли оценить по достоинству. – Я так счастлива, что мы сегодня здесь все вместе. Мы прославим нашу замечательную школу и сделаем все возможное, чтобы школьные годы наших детей стали самыми лучшими их днями, насколько только это возможно. Я знаю, – весело усмехнулась она, – что некоторые из вас сейчас подумают: «Неужели я и без этого недостаточно много плачу за обучение?»

Ожидаемый нервный смешок пробежал где-то в глубине толпы.

– Конечно, так оно и есть. Но наша обязанность сделать так, чтобы в Рирдене могли учиться дети, которых мы хотим там видеть, чтобы они могли посещать занятия, несмотря на сложные финансовые обстоятельства.

«Неужели? – подумала Грейс. – С каких это пор?»

Толпа похлопала без особого энтузиазма.

– И конечно же, – добавила Салли, – мы должны быть уверены в том, что наши замечательные преподаватели получа-

ют достойную зарплату и мы не потеряем их, как это происходит в других школах. Мы любим наших учителей!

– Эва как! – выкрикнул кто-то из стоявших у картины Джексона Поллока, вызвав взрыв смеха, если не своим просторечием, то столь неожиданным выражением чувств.

Разумеется, в Рирдене действительно ценили преподавателей, отметила про себя Грейс. Правда, недостаточно для того, чтобы пригласить их на сегодняшнее мероприятие. Но ведь лишь очень немногие из них могли позволить себе купить билет за триста долларов.

– Так что надеюсь, вы все захватили с собой чековые книжки, друзья мои, поскольку хотя мы и собрались здесь для того, чтобы выпить чудесного вина, попробовать изумительные закуски, все же чистая прибыль – это чистая прибыль, и итоги никто не отменял! – Салли широко улыбнулась толпе, радуясь собственной речи и остроумию. – Мы принимаем карты «Виза». «Мастеркард», «Американ экспресс блэк кард». А еще акции и облигации!

– Произведения искусства! – подхватила Аманда Эмери. – Недвижимое имущество!

Толпа ответила неуверенными смешками.

– А теперь, – заявила Салли, – прежде чем мы засучим рукава и займемся серьезным делом, то есть начнем тратить наши денежки, наш собственный мистер Чипс, Роберт Коновер, был бы счастлив дополнить этот вечер своей приветственной речью. Роберт?

Директор школы помахал рукой из дальнего конца зала и стал пробираться сквозь толпу к кафедре.

Грейс позволила себе мысленно отвлечься от его вполне предсказуемой речи. Он снова начал говорить о благодарности всем и вся, снова напомнил всем присутствующим, зачем им нужны деньги, и как же будет здорово, если родители проявят уважение по отношению к превосходному образованию, получаемому их детьми, и какое огромное значение все это имеет для преподавателей.

Потом Грейс позволила и своему взгляду бесцельно блуждать по залу. Сильвия сидела рядом с ней за маленьким столиком с портативным компьютером наготове, чтобы начать записывать ставки. На экране ноутбука было хорошо видно время: 8:36. Это означало, что Джонатан уже не просто опаздывает, а опаздывает очень серьезно. Она взглянула сначала на гостей в углах зала, потом пробежала глазами по всей толпе, словно мысленно прочесывая ряды людей слева направо и с задних рядов до передних. Мужа здесь не было. Не было его и среди стоявших в дверях гостей, и даже среди группы опоздавших, ввалившихся в тот самый момент в фойе. Это были родители дошколят, прибывшие сюда, судя по всему, после какой-то гулянки. Будучи изрядно навеселе, они, видимо, не заметили раздевалку внизу и явились в аукционный зал, как некое облачко мехов и кашемира, заливаясь смехом, словно не имели ничего общего с вечером, посвященным Рирдену. Наконец, до одного из вновь прибывших

дошло, где они находятся, и он быстро утомил остальных. Но этот человек явно был не из их компании и стоял не вместе с ними в лифте, когда дверцы раскрылись, выпуская их сюда. Поэтому он сразу же удалился.

Итак, что мы имеем. Траурный визит вежливости, очевидно, затянулся, чего Джонатан не предполагал. Его пригласили к столу, а может быть, мама ребенка не отпускала его. Потому что, наверное, когда уходит врач ее ребенка, сам ребенок тоже как бы навсегда покидает ее. Или же начался кадриш или миньян, и Джонатану пришлось остаться. Грейс сомневалась, что он помнит наизусть поминальные молитвы (несмотря на пережитое количество похорон), но он мог просто поприсутствовать, кивая в такт остальным.

Ее удивило, что он снова пошел с траурным визитом к родителям умершего ребенка, что вообще смог это выдержать. И снова убитые горем люди, и снова молитвы. «Груз, который ему пришлось нести, – больные дети и их родители – все это принадлежало другому миру, для которого данный зал оставался непроницаемым», – размышляла Грейс. Она смотрела на присутствующих, на их чуть покрасневшие лица, радостно кивающие в ответ на жизнеутверждающую речь директора головы... Скорее всего, их здоровые и воспитанные дети были по достоинству оценены в очередной статье по анализу положения дел в частных школах Нью-Йорка. Или же они планировали достичь еще большего успеха в Лиге Плюща, чем школы Тринити или Ривердейл. Гости друж-

но улыбались и смеялись, словно кто-то дирижировал ими с кафедры. А почему бы и нет? В их мире наверху, над городом, все было чудесно. Эти люди делали деньги из других денег, а женщины набивали ими свои гнездышки. Даже она, как и все остальные, попыталась поучаствовать «пожертвованием» ради – о, какое совпадение! – той самой школы, где учились их дети. Неужели все это находится на одной планете с тем, чем сейчас занимался ее муж?

Она попыталась представить его себе в крохотной квартирке в Краун-Хайтс, плечом к плечу со скорбящими людьми. К пальто приколот лоскуток ткани. Рукопожатия, склоненные в молитве головы. И еще чувство – в этом она была абсолютно уверена – чувство собственного полного провала.

Теперь уже было неизвестно, когда он приедет. И приедет ли вообще, вынуждена была признать сама себе Грейс. И на очень короткое время она позволила волне возмущения захватить ее. Но это ощущение сразу же прошло, сменившись чувством вины.

Иногда она по-настоящему ненавидела себя.

В этот момент, без всякого предупреждения аукционист «Сотбис» нарушил сценарий.

– Посмотрите сюда, – начал он.

Он держал в руке стакан, наполовину заполненный водой. Самый обыкновенный стеклянный стакан. Грейс, сразу понявшая, к чему это приведет, не осмеливалась посмотреть

на Салли.

– Мое личное пожертвование школе Рирден – это и есть причина, по которой мы все сегодня здесь собрались. Таким образом, я предлагаю купить стакан водопроводной воды из крана на кухне. Это обычная водопроводная вода Нью-Йорка. Любой из вас мог бы пройти отсюда на кухню и налить себе точно такой же.

«Да нет, не могли бы», – подумала Грейс.

– Позвольте мне кое о чем спросить вас. Какова же цена этого стакана воды? Насколько он для вас ценен? – Аукционист оглядел присутствующих. Очевидно, он исполнял тот же трюк или нечто подобное много раз, но все равно наслаждался моментом, и это было видно.

– А этот стакан наполовину полный или наполовину пустой? – выкрикнул кто-то из толпы.

Аукционист улыбнулся.

– Какие будут ставки? – И он поднял стакан над головой.

– Тысяча, – заявил какой-то джентльмен в самом центре зала. Им оказался Натан Фридберг.

– Ага! – обрадовался аукционист. – Вот теперь этот стакан воды стоит тысячу долларов. Значит ли это, сэр, что вы готовы пожертвовать одну тысячу долларов родительской ассоциации Рирдена, а в обмен на это станете обладателем стакана воды?

Натан Фридберг рассмеялся. Грейс увидела, как его жена, стоявшая рядом с супругом, в одной руке, украшенной кам-

нями, держит бокал, а другой сжимает локоть мужа.

– Нет, – отозвался Натан, усмехаясь. – Но я желаю пожертвовать две тысячи долларов!

Казалось, в этот момент с толпы схлынуло напряжение. Все гости как будто разом выдохнули и пришли в движение.

– Теперь этот стакан воды стоит две тысячи долларов. – Аукционист одобрительно кивнул. – А сейчас наступает тот самый момент, когда мы должны напомнить себе, зачем мы всё же оказались здесь. Может быть, нам нужна контрамарка на бродвейское шоу? Вероятно, нет. В состоянии ли мы сами забронировать апартаменты в Париже? Конечно же, да. Но не в этом суть нашей встречи. Мы собрались здесь, чтобы отдать деньги школе, а забота о наших детях дорогого стоит. И все лоты, которые мы выставим на аукцион, действительно достойны наших денег. Хотя, должен сказать, – тут он усмеялся, – я присутствовал на многих аукционах, и вы, друзья мои, тоже понимаете, чего стоит провести большой аукцион.

– Три тысячи, – вмешался Саймон Голден, поднимая руку.

– Благодарю вас, – отозвался аукционист, поднимая стакан еще выше и демонстрируя, таким образом, еще раз уже столь ценную воду. – Я же говорил вам, что намерен собрать максимум на этом лоте, не так ли?

Гости снова засмеялись. В битву вступил еще один родитель, потом еще. Цена лота росла, увеличиваясь на тысячу долларов с каждой новой ставкой. Аукционист снова продемонстрировал стакан, когда его стоимость достигла один-

надцати тысяч долларов. Складывалось впечатление, что он сам уже понял: дальше повышать цену не имело смысла.

– Еще ставки будут? Нет? Я вас предупредил.

Ставок больше не было.

– Продано! Стакан водопроводной нью-йоркской воды уходит джентльмену в симпатичном синем галстуке за одиннадцатнадцать тысяч долларов. Ваша вода, сэръ.

Зал взорвался аплодисментами. Натан Фридберг пробрался в переднюю часть зала, принял стакан из протянутой руки аукциониста и осушил до дна свой приз.

– Очень вкусно, – доложил он. – Вода того стоила. До последнего цента.

Тестостерон был сброшен, и начался собственно аукцион. Путешествия и драгоценности, угощения от шеф-повара в гостинице «Блу хилл», билеты на вручение премии Тони, неделя на курорте Каньон-Ранч... Появлялись всё новые лоты, их описания представляли на специальной гелиевой подушечке, а каждый звонкий удар молотка по кафедре сопровождался возбужденным дружным выдохом присутствующих.

Салли была вне себя, Грейс это сразу поняла. Только половина лотов была объявлена, а результаты уже давно превзошли все их ожидания. Происходящее казалось абсурдом, однако подобные вечера не были чем-то исключительным, и даже Грейс это знала. В школе Далтона кто-то выставил на аукцион визит в Овальный кабинет для ребенка, чей ро-

датель купит этот лот. Кто-то из родителей в школе Спенса купил право сидеть рядом с Анной Винтур на шоу во время Недели моды (правда, беседа с самой королевой моды, по-видимому, в стоимость не входила). Ходили слухи, что в университетской школе «Коледжиет» с молотка пошла личная встреча с главами приемных комиссий в Йельский университет и школу Амхерст. Другими словами, доступ к тем вещам, которыми не пренебрегают. И даже такая мелочь, как экскурсия за кулисы гастролирующего театра, могла оказать частной школе неоценимую услугу. Доступ к информации. Доступ к сути вещей.

Грейс позволила себе выскользнуть из зала в разгар жаркой битвы за недельный отдых в Монтоке и направилась к туалетным комнатам, расположенным за фойе. Но кабинка оказалась занята.

– А еще одна есть? – шепотом поинтересовалась она у неотвратимого охранника, и он кивком головы указал на дверь, за которой час назад скрылись две женщины из кухни.

– А мне туда можно? – спросила Грейс.

Она очутилась в не очень широком коридоре, выстланном хрустящим под ногами покрытием из сизалевого волокна. С потолка через каждые три-четыре метра свисали миниатюрные люстры, свет в лампах был приглушен. Однако картины старых мастеров на стенах имели собственное освещение, и эти яркие пятна, казалось, сияли сами по себе. Не в силах устоять, она замерла перед картиной Рембрандта в стиле ню,

дивясь тому, что находится сейчас не в музее, а в частной квартире, да еще и в коридоре ее задней части. Когда она закрыла за собой дверь, ей показалось, что вся остальная квартира с колоссальной вечеринкой просто испарилась.

По одну сторону коридора шли двери, как в студенческом общежитии или в крыле для прислуги, что, видимо, как раз и соответствовало действительности, как решила Грейс. Она вспомнила женщин в форменной одежде, и то, как они исчезли за этой дверью с подносами, видимо, освободившись от своих обязанностей. Неизвестно, находились ли они сейчас здесь или нет. Если нет, то, возможно, вместе с другой прислугой, ушли уже в какой-то другой дом Спенсеров.

Все двери были закрыты. Она шла дальше, от картины к картине, словно перепрыгивала на реке с одной кувшинки на другую, минуя двери комнат. И вот в конце коридора показался туалет. По контуру двери горели лампочки, и еще она определила его по ослепительно-белому кафелю. Эта дверь тоже была надежно заперта. Внутри ровно гудел вентилятор. Текла вода. И доносился еще какой-то звук. Грейс нахмурилась. Этот звук ей, как и любому психотерапевту, был хорошо известен. Кто-то плакал, причем горько и искренне, заглушая рыдания ладонями. Даже спустя годы, в течение которых она столько раз видела и слышала, как плачут люди, оставалось в этом звуке что-то острое и невыносимое. Грейс стояла в паре метров от двери. Ей не хотелось своим присутствием усилить боль неизвестной женщины, если та вдруг

поймет, что ее услышала незнакомка.

Несложно было догадаться, кто находится внутри и почему плачет. Грейс, как и любая другая мать, живущая в Нью-Йорке и мало-мальски сведущая в житейских делах, понимала, что женщины, заботящиеся о чужих чадах из привилегированных семей, имеют и собственных детей. Но они, как правило, находились очень далеко. На других островах, в других странах. Сколько же сожаления, сколько горечи таилось за такими контрактами? Эта проблема никогда не обсуждалась ни между матерями, ни в школьном вестибюле. Конечно, она никогда не считалась секретом, но некая тайна тут присутствовала, в чем и заключалась чудовищная ирония, жестокая и бездонная.

«Неудивительно, что она рыдает», – подумала Грейс, глядя на запертую дверь и продолжая стоять на сизалевой дорожке в двух метрах от цели. Возможно, эта женщина оставила собственных детей в каком-нибудь убогом жилище, таком далеком во всех смыслах от этого роскошного пентхауса, чтобы заботиться о детях Джонаса и Цуки Спенсер, чтобы отдавать им свою любовь, вот здесь, на самом верху этого неизмеримо дорогого города. Возможно, она просто воспользовалась моментом, когда дом был переполнен гостями, а сами хозяева отсутствовали, чтобы излить свое материнское горе – горечь разлуки с собственными детьми.

Грейс сделала шаг назад, надеясь, что дорожка у нее под ногами не захрустит. Так и вышло. Еще один шаг, потом она

повернулась и отправилась назад тем же путем, как и очутилась здесь.

Войдя в фойе, Грейс почувствовала легкую вибрацию в сумочке и сразу достала телефон, чтобы прочитать сообщение от Джонатана. К своему удивлению, узнала, что он побывал здесь, в апартаментах Спенсеров, и провел по крайней мере какое-то время на аукционе.

«Приехал поздно из-за траур. визита, – писал он. – Только что звонили из больн. С одним пац. плохо, постараюсь приехать позже. ПРОСТИ».

В жизни Джонатана очень часто с его «пац.» было очень плохо. Это маленький мальчик или девочка, которых только что диагностировали. Или начался рецидив. Или кризис. В таких случаях Джонатану звонила обезумевшая от горя мать, для которой весь мир рухнул вместе с болезнью ее пятилетнего одаренного крохи. И шаткая гильотина, как колесница, привидевшаяся Иезекиилю, уже материализовалась над ее головой. Всегда находились родители, разъяренные от своей собственной беспомощности, готовые взорваться в любой момент. В течение многих лет на Джонатана нападали, к нему кидались и рыдали, его осыпали миллионом вопросов. Его призывали выслушивать исповеди...

«Это потому, что она когда-то занималась проституцией? Все это потому, что она курила тайком последние четыре года и даже во время беременности?»

Рабочие дни Джонатана походили на конвейерную ленту

бесконечных кризисов, каждый отдельный случай угрожал жизни пациента, и все они имели свои всепоглощающие последствия. Даже Грейс, у которой зачастую простой сеанс обычной терапии превращался то в кирпичную непробиваемую стену, то в бездонную пропасть полного непонимания, даже она с трудом понимала, с какими поворотами болезни и реакции на нее приходилось иметь дело ее мужу каждый день.

«Не видела тебя», – напечатала она большими пальцами – этим навыком Грейс, к сожалению, уже овладела.

«Махал тебе, как идиот!» – написал он в ответ.

Грейс вздохнула. Не было смысла продолжать этот диалог. По крайней мере ему удалось сюда приехать.

«Увидимся дома, – напечатала она. – Чмоки».

«Чмоки», – пришел короткий ответ. Они всегда так заканчивали электронную переписку.

Когда из туалета выпорхнула Дженнифер Хартман, Грейс добродушно кивнула ей и вошла внутрь. Здесь сияла другая люстра, огромными и грубыми кусками стекла, оставляющими светлые пятна на стенах. Над унитазом висел автопортрет Уорхола, как раз та самая вещь, чтобы мужчины перестали мочиться. Грейс почему-то именно это пришло в голову. Она тщательно вымыла руки мылом с ароматом лаванды.

Аукцион подходил к концу. Оставался только лагерь для маленьких миллионеров (так окрестила Грейс предпринимательский опыт Натана Фридберга). Лот ушел за тридцать

тысяч долларов после борьбы между четырьмя, потом тремя, а потом двумя претендентами. Сам Фридберг объявил во всеуслышание, что эта сделка будет оформлена в налоговой декларации как некоммерческое пожертвование. Грейс не узнала ухоженную супружескую пару, которой достался этот лот.

На этом аукцион закончился, все вздохнули с облегчением и принялись поздравлять сами себя. Салли, как заметила Грейс, наслаждалась крепкими объятиями директора Роберта. Аманда не отставала от нее и, выкрикнув не очень приличное «опа!», тоже обхватила руками свою более высокую подружку, заставив ее неуклюже подпрыгнуть на месте, как делали когда-то Хиллари и Типпер на съезде демократов. Мужчины обменивались крепкими рукопожатиями и активно перемещались по залу, по ходу рассыпая поздравления. Затем начался массовый исход. Несколько пар уже осмотрительно стояли у дверей, готовые удалиться. Здесь же находилась и Малага Альвес. Она держала аукционный каталог у лица, как будто это был веер. Кроме коротких приветствий на первом этаже, Грейс так и не поговорила с ней и теперь быстро проскользнула мимо женщины, опустив голову.

Через мгновение рядом с ней материализовался Роберт Коновер. Он положил ей на плечо широкую ладонь, прижавшись колючей щекой к ее щеке. Какую же замечательную работу проделала Грейс, заметил он.

– Это в основном Салли, – парировала Грейс. – И Спен-

серы, конечно же. Надо отдать им должное.

– Ну, разумеется. Правда, заочно.

– Не нам обсуждать причины этого. – Она пожала плечами. – Лично я не стала бы цепляться за такие недостатки при столь щедром подарке. Кроме того, признайтесь: в их отсутствии было даже нечто привлекательное. Ну, примерно как в «Портном из Глостера».

– Скорее, это похоже на «кот из дома – мыши в пляс», – возразил директор школы. – Могу поспорить, мужчины сейчас разрабатывают план, как проникнуть в святая святых Спенсеров там, наверху.

– А женщины мечтают заглянуть в их гардероб, – подхватила Грейс.

Роберт рассмеялся.

– Черт! Я сам не прочь туда заглянуть.

– А Джулиан не смог прийти? – спросила Грейс. Она видела последнюю постановку в его театре, экспериментальную и достаточно трудную для понимания интерпретацию «Процесса» Кафки, и теперь ей хотелось поговорить об этом.

– К сожалению, он сейчас на конференции в Лос-Анджелесе. А где ваш супруг? Я видел его во время аукциона.

– Ему позвонили из больницы. Пришлось уехать.

Она заметила, как дернулась мышца на лице у Роберта. Но это было для нее привычным. Так происходило нередко, когда слово «больница» произносилось в связи с ее мужем.

– Боже, – словно прочитав ее мысли, произнес Роберт. –

Как ему это удастся?

Она вздохнула.

– Он делает для детей все возможное. И прогресс есть.

– Значит, все-таки он существует, этот прогресс?

– Конечно, – подтвердила Грейс. – Не такой заметный, как хотелось бы, но тем не менее да, существует.

– Даже не представляю, как он может каждый день просто входить в эти двери. Когда там лежала мать Джулиана – у нее был рак толстой кишки...

– Мне очень жаль, – машинально произнесла Грейс.

– Да. Она лежала там целый месяц года четыре назад, а потом еще несколько недель перед самым концом. Когда все закончилось и мы вышли оттуда в последний раз, я подумал: «Надеюсь, больше никогда в жизни не окажусь в этом здании». То есть я хотел сказать, что там повсюду, куда ни глянь, – боль, боль и боль.

«Да-да», – подумала Грейс, стараясь сохранять профессионализм, выражая свое сочувствие. Если бы Джонатан был здесь, то сказал бы Роберту Коноверу, что, да, конечно, работа напряженная, эмоции мощные, но при этом он остается привилегированной особой, поскольку именно ему позволено вторгаться в человеческую жизнь в моменты наивысшего напряжения и проявления сильнейших чувств. Именно тогда, когда инстинкт подсказывает окружить себя стеной и вежливо попросить всех посторонних удалиться. Потому что самое плохое, что только может случиться, самое ужасное,

что только можно представить себе, все это уже происходит с ними, с их сыном или дочерью. Джонатан сказал бы, что не смог вылечить их ребенка, который был его пациентом, но ему почти всегда удавалось хоть чуточку облегчить ход болезни, то есть уменьшить боль, а это имело большое значение и для него самого, и для семьи ребенка. Ему задавали разные вопросы, суть которых сводилась к одному: «Как вам это удастся?» Он слышал нечто подобное сотни раз, и это только в присутствии Грейс. И всякий раз отвечал без тени раздражения и с неизменной широкой улыбкой. Но Джонатана здесь не было. А сама Грейс не была уполномочена отвечать вместо него.

– Это очень сложно, – ответила она Роберту.

– Боже мой! Я вообще там полностью теряюсь. – Он повернулся, чтобы горячо, но в довольно привычной манере поприветствовать какого-то мужчину. Тот только успел положить ему на плечо свою тяжелую ладонь по пути к лифту. Затем Роберт снова повернулся к Грейс.

– Я был бы там совершенно бесполезен. Только голосил бы, вот и все. Я хочу сказать, что теряюсь и буквально схожу с ума, когда детям приходит отказ из колледжа, который они поставили первым в своем списке.

– Ну, что же, – сухо отозвалась Грейс. – Это, конечно, трагедия мирового масштаба.

– Я серьезно, – подтвердил Роберт. По всему было видно, что он ждет серьезного ответа.

– У моего мужа очень сложная работа. Но он помогает людям, следовательно, это того стоит.

Роберт кивнул, хотя, похоже, такой ответ его не удовлетворил. Чуть позже Грейс подумала, почему подобные вопросы до сих пор не считаются невежливыми? Вы же не спросите у парня, который чистит отстойники: «Как вам это удается?» Но сейчас ей хотелось, чтобы и Роберт подумал, будто у нее самой тоже остаются сомнения на этот счет. Роберт ей нравился.

– А у меня есть отличные новости о вашем маленьком школьнике. Он очень, очень хорошо успевает.

Грейс смущенно улыбнулась. Конечно же, в отличной успеваемости Генри не было ничего странного. Он рос таким умницей, но это было не его заслугой, а просто случайным сочетанием ДНК. Однако он так усердно занимался, что его достижения нельзя было отнести только на счет некоей мозговой лотереи. Он не относился к тем, кто пускал на самотек или, что еще хуже, топил свой потенциал, поскольку не ценил его или просто не хотел считать, что это важно для окружающих его людей. И все же было как-то странно обсуждать его успехи сейчас, как будто они находились на родительском собрании, куда родители наряжаются в пух и прах, только чтобы узнать, как учатся их дети.

– В этом году ему нравится их учитель математики, – честно признался директор школы.

И тут к ним присоединилась Салли Моррисон-Голден.

Она обняла Роберта за плечи, возможно, больше чтобы удержать равновесие, нежели выразить свои чувства. Грейс заметила, что Салли пьяна, причем далеко не «чутьочку». Она покачивалась на своих высоких каблуках, а на левой щеке у нее красовался розовый полумесяц чьей-то губной помады. После того, как были подведены итоги аукциона или хотя бы примерно подсчитаны его результаты, она, видимо, позволила себе расслабиться. А теперь окончательно слетела с катушек.

– Какой чудесный вечер, – сообщил ей Роберт.

– Просто на «ура», – с сарказмом в голосе ответила Салли. – Как мило со стороны наших хозяев показаться гостям, правда же?

«Ее до сих пор это гложет?» – удивилась Грейс, а вслух сказала:

– Это неважно. Все было замечательно, и у нас все получилось. Как вам понравились апартаменты, Роберт? Просто невероятные.

– Если бы я здесь жил, то уже был бы дома, – дружелюбно отшутился директор школы. – И тот Френсис Бэкон над диваном принадлежал бы мне. А это было бы очень мило. – Он расцеловал обеих женщин в щеки и покинул их. Салли совершенно не расстроилась оттого, что он ушел.

– Тебя Малага нашла? – поинтересовалась она. – Она тебя искала.

– Меня? – нахмурилась Грейс. – Зачем я ей?

– Боже, ты можешь себе представить, как у всех тех мужиков слюнки текли, когда они на нее смотрели? Они мне напомнили собак Павлова. Мы с Аmandой решили, что тоже будем такими, как она. А Джилли Фридберг чуть с ума не сошла. Она выбралась из толпы и буквально оттащила от нее своего мужа.

Грейс только скромно улыбнулась, втайне пожалев, что не стала свидетельницей такого замечательного эпизода, а вслух произнесла:

– Она выглядела очень мило.

Салли стояла, чуть заметно покачиваясь. Когда она двинулась вперед, создалось впечатление, что она идет на цыпочках. Впрочем, учитывая высоту ее каблуков, это было недалеко от истины. Затем она изменила направление и двинулась к обеденному залу. Грейс, которой не терпелось уйти отсюда, отправилась искать Сильвию.

– Мы уже можем уйти? – спросила она. – Как считаешь, это будет нормально?

– Более чем, полагаю. Думаю, это обязательное условие, – согласилась Сильвия. – Ты видела, как на нас эти охранники поглядывают? Они хотят, чтобы мы исчезли.

– Ну, тогда ладно, – с облегчением в голосе произнесла Грейс. Она была уверена, что прислуге не понравится, если гости задержатся в доме. Но еще ее беспокоило то, что Салли, возможно, постарается не только не спешить с уходом, а еще и начнет разбирать результаты аукциона под картиной

Джексона Поллока. – Я ухожу. Я уже готова.

– А где Джонатан? – спросила Сильвия. – Кажется, я его сегодня тут видела.

– Да, он здесь был, – подтвердила Грейс. – Но ему позволили насчет одного пациента, и пришлось вернуться в больницу.

– В центре Слоуна-Кеттеринга? – спросила Сильвия. Как будто Джонатан работал где-то еще.

Грейс приготовилась выдержать еще один раунд допроса из серии «Как у него это получается?», но, к счастью, Сильвия сдержалась. Она ничего не сказала, и Грейс удалось уйти, прежде чем кто-то еще успел ее остановить.

Ей хотелось оказаться дома к тому времени, как вернется Джонатан, ждать его на тот случай, если она будет ему нужна. И если опыт правильно подсказывал ей, он может очень сильно в ней нуждаться. Он только что помогал хоронить восьмилетнего пациента в Бруклине, а теперь у еще одного его пациента наступил кризис. Джонатан будет в ужасном состоянии, когда бы ни вернулся. Он принимал все это слишком близко к сердцу.

Часть II

Во время

Глава шестая

Не очень долго

Конец ознаменовался не грохотом и не хныканьем, а безмолвным миганием иконки конверта на ее сотовом телефоне. Когда-то иконку запрограммировали вспыхнуть один раз на первом сообщении, два раза – на втором, и так далее, пока не образовывалась некая внутренняя критическая масса сообщений, после чего иконка мигала непрерывно, словно дрожащее крылышко переливчато-зеленого цвета в углу дисплея ее мобильного. Позже она вспомнит это мигание, такое обычное, что она не обратила на него внимания при приеме первых за утро пациентов (пару, обреченно сражавшуюся за сохранение брака), во время второго сеанса (давнего пациента на пороге маниакального психоза) и даже в обеденный перерыв, который она посвятила интервью с продюсером из издания «Тудэй».

Со времени благотворительного аукциона «Рирденский вечер» прошло четыре дня.

Статья в «Тудэй» появится не раньше, чем после Нового

года, но в преддверии наступающих праздников, как объяснила продюсер, они старались работать на опережение.

– Вам уже дали выступить в срочных новостях?

Грейс ответила «нет». Не дали, но разве это не было очевидно?

– Да, подобные истории могут немного меняться, если обнаружится что-то новое.

Бравшую у нее интервью журналистку звали Синди Элдер. Грейс записала ее имя в блокнот по старой привычке, сложившейся за годы разговоров с потенциальными клиентами. Забавно, но голос у Синди Элдер был молодой, почти как у студентки.

– Что, как вам кажется, следует узнать о заинтересовавшем вас человеке в первую очередь?

– Я думаю, – ответила Грейс, – тут скорее встает вопрос о том, чтобы слушать то, что кто-то пытается вам сказать, нежели о том, чтобы задавать вопросы о каких-то личностных особенностях, так называемых краеугольных камнях или же об отрицательных моментах, на которых люди заостряют внимание, когда с кем-то встречаются. Например, деньги или религия. Подобные вещи, конечно, важны, однако я бы поспорила: куда важнее услышать и определить, что уже сообщают вам поведение и интонации человека, когда он рассуждает о каких-то идеях или людях.

Грейс слышала, как чуть вдалеке Синди Элдер щелкает пальцами по клавиатуре и прерывисто и поощрительно бор-

мочет: «Мм-хм...»

Она дала уже достаточное количество интервью, чтобы определить, куда подует ветер. Нравится это ей или нет, но книгу «Ты же знала» представят миру как руководство по свиданиям, которое – очень возможно – поставят на полки по соседству с одиозным «Руководством по отношениям для чайников». Она полагала, что избежать этого нельзя, если ей хотелось, чтобы книга стала бестселлером.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.